

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

## ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

|                         |          |
|-------------------------|----------|
| на 5 мѣсяцевъ . . . . . | 8 франк. |
| » 3 мѣсяца. . . . .     | 5 »      |
| » 2 мѣсяца. . . . .     | 3 »      |
| » 1 мѣсяць . . . . .    | 2 »      |

## ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются  
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ  
H. GEORG, Genève, rue de la  
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое ОКТЯБРЯ 1882

## СОДЕРЖАНИЕ.

1) Самодержавіе и женскій трудъ въ Россіи. — 2) Фальшивые восторги охранителей. — 3) Исторія «Бахметьевскаго фонда». — 4) Тѣмъ сгинетская и пѣсни мухи. — 5) Наринъ въ Россіи. — 6) Война съ памятью о Шевченко, М. Драгоманова. — 7) Корреспонденція: а) Таможенное воровство и протекціонизмъ, какъ система хищеній, Григорьева. — б) Съ одного вола двѣ шкуры, (къ характеристикѣ положенія административныхъ семейныхъ), Василія Сидорацкаго. — в) Первый международный антисемпическій конгрессъ, П. III — та. — г) Подвиги Баттенберга, Болгарина. — 8) Националізація земли (продолженіе). — 9) Новая язва капитализма (школьные сберегательныя кассы въ Швейцаріи и во Франціи), П. С. — 10) Революціонное движеніе въ Россіи по Леруа-Болье, Л. В. — 11) Извѣстія и замѣтки: Продленіе положенія усиленной охраны. — Насилія въ конституціонной Финляндіи. — Московское самоуправство въ прибалтійскомъ краѣ. — Возмутительное «недоразуміе».

Женева, 1 Октября 1882 г.

Недавно петербургскія газеты, сообщая о смерти т. е. К. К. Людерса, проронили чрезвычайно интересное извѣстіе о томъ, какъ началось въ Россіи допущеніе женщинъ въ телеграфистки. Въ 1865 г. финляндскій сеймъ рѣшилъ допустить женщинъ къ почтовой и телеграфной службѣ. Утверждая это постановленіе, Александръ II подписалъ на немъ: «желательно ввести и у насъ» (курьезно и лестно для финляндцевъ это у насъ, вырвавшееся изъ устъ ихъ Великаго Князя!) вслѣдъ за тѣмъ К. К. Людерсъ, бывшій тогда исправляющимъ должность директора телеграфовъ, принялъ на службу двухъ женщинъ, за которыми послѣдовали и другія. Такимъ образомъ въ числѣ инициаторовъ въ Россіи такого «нигилистическаго» вопроса, какъ женскій, оказался ея самодержавный властелинъ. Курьезно! Но еще курьезнѣе то, что спустя немного времени правительство того же самодержца начало вести войну противъ вызванныхъ къ жизни самымъ же самодержцемъ телеграфистокъ. Поднять ее шефъ жандармовъ, гр. П. А. Шуваловъ, который добился высочайшаго же ограниченія службы женщинъ на казенныхъ телеграфахъ (допу-

щеніемъ къ этой службѣ только родственницъ уже служащихъ тамъ мужчинъ) и настойчиво сражался съ телеграфистками и на частныхъ желѣзнодорожныхъ телеграфахъ, угрожая высылкою телеграфистокъ въ такія области, «гдѣ нѣтъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ».

Нѣчто подобное представляетъ и отношеніе самодержавнаго правительства къ научнымъ занятіямъ женщинъ и къ занятіямъ ихъ медицинской практикой. Когда Александра II подводили на изгнаніе женщинъ изъ телеграфныхъ станцій, то обѣщали дать женщинамъ вознагражденіе въ научныхъ занятіяхъ, особенно акушерско-медицинскою частію, для чего должны были быть устроены особыя высшія учебныя заведенія. Начали, впрочемъ, съ того, что потребовали удаленія россиянокъ изъ Цюрихскаго университета, обѣщавъ при этомъ торжественно открыть для женщинъ соотвѣтственные высшія учебныя заведенія въ Россіи, для составленія устава которыхъ и была образована коммиссія. Обѣщаніе правительства, данное передъ всѣмъ міромъ, передъ которымъ русское правительство постыдно клеветало на уроженокъ своей земли, учившихся въ Цюрихѣ, — оказалось ложью. Упомянутая коммиссія и министерство народнаго просвѣщенія гр. Толстого употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы затормозить дѣло и препятствовать частной инициативѣ въ устройствѣ высшаго женскаго образованія. Заведенные подъ эгидой военнаго министерства (гр. Милютина) медицинскіе женскіе курсы терпѣли отъ жандармскаго давленія, а ихъ студентки, пускаясь въ практику, встрѣчали препятствія отъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Наступила война; — армія явно терпѣла отъ слабости медицинскаго персонала, и самъ царь увидѣлъ наглядно ту пользу, которую приносили немногія женщины, которыя успѣли, преодолевъ массу трудностей и всяческихъ шikanъ, полу-

чить нѣкоторое медицинское образованіе. Появляя было благопріятный вѣтеръ въ пользу женскаго образованія и труда; придумавъ былъ шифръ: Ж. В. (Женщина Врачъ). Но тотчасъ же чиновники начали войну противъ права практики посительницъ шифровъ и противъ земствъ, которыя желали принять услуги этихъ послѣднихъ, столь необходимыхъ въ странѣ, гдѣ эпидеміи уносятъ цѣлыя поколѣнія.

Со вступленіемъ на престолъ четы «добрыхъ семейныхъ нравовъ» и съ провозглашеніемъ «пародной политики», наступило усиленіе борьбы чиновниковъ съ стремленіями женщинъ жить честнымъ трудомъ и служить народу. Эта борьба угрожаетъ обостриться съ полнымъ торжествомъ побѣдоносцевско-катковскаго самодержавія. Газеты давно уже передавали слухи объ уничтоженіи медикохирургическихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Какъ новые самодержцы Россіи думали совершить это уничтоженіе, — не было извѣстно. Видно было только то, что курсы пущены на дорогу постепенной атрофіи. Военное министерство заявило, что можетъ держать въ своихъ помѣщеніяхъ курсы только годъ. Петербургскія газеты сообщили, что мнѣеество желающихъ поступить на курсы пріѣхало въ столицу, — но тиетно ждетъ объявленія о пріемѣ на первый курсъ. Объявленія долго не было, хотя академическій годъ уже начался. Такимъ образомъ заведеніе, такъ или иначе открытое вслѣдствіе обѣщаній правительства, одобренное коронованнымъ самодержцемъ, — стало закрываться воронскимъ канцелярскимъ образомъ самодержавными чиновниками. Наконецъ появилось объявленіе, изъ котораго видно, что постепенная атрофія курсовъ одобрена и высшимъ правительствомъ.

Не правда ли, какъ это, да и вообще все затроутое выше отношеніе разныхъ самодержцевъ къ дѣлу женскаго

образования и труда — необыкновенно содействует укреплению уважения к власти, ограждению семейного благополучия, собственности, постоянного труда и прочих подобных „основ“, а равно и достижению народных польз!! Мы думаем, что отношение это в такой же мере содействует ограждению и политического спокойствия в стране и в частности безопасности верховного самодержца России. Колебания правительства в деле расширения сферы женского труда и образования, разбития надежды целых десятков — сотен женщин, в роды тех, которые, приехавши в Петербург для поступления на медицинские курсы, остались на мели, — все это не может не поддерживать мысли, что в России нет возможности служить обществу, — и толкает целый ряд индивидуумов на дорогу — по направлению к динамиту!

Наша охранительная печать приходит в восторг от опубликованного в „Правительственном Вестнике“ результата поступлений государственных доходов с 1-го Января по 1-ое июля текущего года и произведенных в тот же промежуток времени расходов. Поводом к восторгу служит сравнение цифр поступлений и расходов пятилетнего года с прошлым, при чем оказывается, что сумма поступлений в первую половину 1881 года, а расходов в пятилетнем году, вместе с сверхсметными, произведено на 23½ миллиона рублей меньше. Такой результат действительно может казаться утешительным на первый взгляд, но именно только на первый взгляд, потому что, приравняв во внимание общую сумму поступлений сметных расходов по утвержденной на 1882 год государственной росписи, мы сейчас же увидим неудовлетворительность нашего финансового состояния. Прежде всего нельзя не заметить, что, по государственной росписи, доходов на текущий год исчислено 658.575.151 рубль, поступило же по первое июля всего 277.653.249 рубл., т. е. почти на 52 миллиона меньше половины сметного предположения, что ясно указывает на неспособность для плательщиков налогов угодиться за расходчиками казны, другими словами, наличность государственной кассы не в состоянии восполнить потребности государственного управления при существующем порядке вещей. Это особенно видно из того, что расходы в первую половину текущего года произведено на сумму 303.607.215 руб., не считая платежей процентов по иностранным займам, значить, правительством израсходовано в долг (разумется путем выпуска в

обращение кредитов, что на канцелярском наречии называется позаймствованием казначейства из государственного банка) почти 26 миллионов рублей. На что именно правительство израсходовало всю наличность казначейства да еще самовольно позаймствовало . . . . не из банка, а из чужих карманов 26 миллионов, обезценив по меньшей мере на такую же сумму находящуюся в обращении миллиардную массу кредитов; сколько из этих расходов предусмотрено сметными исчислениями и сколько сверхсметных, т. е. вовсе не заявленных — это кроме министерства финансов никому постороннему не известно, так как бывший профессор Бунге нашел вполне достаточным осведомить публику лишь с валовой цифрой расходов, поставив перед громадною суммою в 303 с лишком миллиона следующее лаконическое объяснение:

#### „II. Государственные расходы:

По 1-ое июля 1882 года расходов в счет росписи сего года, вместе с сверхсметными“.....

Что может быть проще и безобиднее для всех ведомств без исключения! Даже свой брат укорить не может, потому — „темна вода во облацех“ \*).

Но, не смотря на темноту, старательно распространяемую „во всеобщее сведение“, все же невозможно было скрыть, что „акция питейный“ есть главный источник благосостояния нашего правящего мира и что он возрос до еще не бывалой цифры 116.797.406 рублей за полугодье, — на 14½ миллионов больше прошлого года; видно также, что податей поступило, сравнительно с прошлым годом, больше на 1.300.000, а пошлин за право торговли на 2.300.000 меньше, т. е. больше всех поплачено в государственную казну, прямо или косвенно, рабочий мужик, а торговец и кулак сумели сдлать свои мошны меньше доступными для сборщиков податей. Не этому ли радуется наши охранители?

В проплате №-ру мы обещали нашим читателям дать из вполне компетентного источника разъяснение ходячего слуха об оставшемся по смерти Александра Ивановича Герцена «фонде на пропаганду в России». Этот источник мы имели прежде всего в лице старинного друга издателя «Колокола», г-на Станислава Тхоржевского, который разсказал нам следующее:

«В 1858 году приехал из России в Лондон молодой помещик Бахметев \*\*). Зайдя в книжную лавку Станислава Тхоржевского, Rupert street, он спросил адрес А. И. Герцена, объяснив, что желает с

\*) Интересно, что такую темпосту сел для себя вполне позволительно именно тот министр, который оказывается еще сравнительно любитель гласности, так как г. Бунге вместе с г. Гирсом были те двое лиц, которые подали голоса в комитет министров против предоставления решения судьи периодических изданий в руки комиссии четырех черберов. (Победоносцева, Толстого, Делянова и Набокова).

\*\*) Нынче уже умерший. (Ред.)

ним познакомиться. Так как Герцен жил в то время за городом, то Тхоржевский предложил повоприжнему его проводить, и они приехали к Герцену вместе. Из разговоров оказалось вскоре, что Б—ев политиком не занимался и, будучи патрulistом, специально изучал физиологию. Пробыв непродолжительное время в Лондоне, он собрался ехать на Панаму и далее для исследований по своей специальности и перед отъездом просил Герцена приять от него на хранение что то около 1.000 фунтов стерлингов \*) на условии, что если через 6 лет он не возвратится и не потребует этих денег обратно, то чтобы они были обращены «на пропаганду в России», но устроению Герцена и Огарева. Деньги эти, в английских фунтах, были вручены Б—ву Герцену в лавке Тхоржевского и за тем немедленно отведены и положены Герценом в банк Ротшильда на имя Б—ева, à disposition de M. Herzen по прошествии 6-ти лет. В течение всего 6-ти летнего срока Герцен никогда не скрывал, что имел в своем распоряжении означенную сумму и в особенности не скрывал этого от Михаила Бакунина, когда тот возвратился из Сибири. Когда наступил 1864 год, т. е. минул назначенный Бахметевым срок, то некоторые эмигранты, и в особенности Бакунин, стали требовать выдачи им на руки Бахметевского «фонда»; но Герцен не соглашался удовлетворить этому требованию в течение всего 64-го года, единственно в виду возможности возвращения Бахметева. В следующем, 1865-м году Герцен и Бакунин переехали в Швейцарию, где вскоре за тем появился и Нечаев. Отношения Герцена к последнему с первого же свидания стали натянуты, что объяснялось несимпатичными Герцену личными особенностями повоприжого революционера, которого он принал у себя всего один раз; Огарев же, по близости своего состояния и сердечной доброты, относился к Нечаеву всегда снисходительно, а Бакунин не только с ним сошелся, но и припал к его под свое особое покровительство. Он же посоветовал Нечаеву требовать от Герцена и Огарева выдачи «Бахметевского фонда» на зачисление тогда в России революционное дело: по на все требования Нечаева и Бакунина (которому Герцен неоднократно передавал деньги, лично для Бакунина собираемая и нересыласмы), не смотря на желание присоединившагося к их требованиям Огарева, Герцен постоянно отговачал решительным отказом. Лишь будучи уже на смертном одре в Париже и получив от Огарева письмо, в котором тот высказывал упреждение, что от передачи денег Нечаеву зависит успех «великого дела» для России, Герцен согласился предоставить Огареву распорядиться по своему «Бахметевского фонда», сказав: «когда я умру, Огарев сам распорядится всею суммою», и желал только, чтобы из упомянутого фонда 10.000 франков были отданы Чернецкому, как некоторое обезпечение старости его

\*) В разсказе об этом случае, помещенном в «Посмертных сочинениях» А. И. Г.—на, несколько раз упоминается сумма в 30.000 фр как бывшая в руках Б—ва. (Ред.)

почтпнаго сотрудника издательств «Колокола». После похоронъ Александра Ивановича и раздѣла оставшагося послѣ него наслѣдства, Герценъ-сынъ взялъ у Ротшильда числившуюся у него сумму «фонда» 25.000 фр. и отправился къ Чернецкому въ Женеву предложить ему, по волѣ покойнаго отца, 10.000 франковъ, но Чернецкій на отрѣзъ отказался отъ получения какой бы то ни было суммы, заявивъ, что считаетъ себя не въ правѣ воспользоваться деньгами, предназначенными «для русской пропаганды». Тогда Герценъ-сынъ, вмѣстѣ съ Чернецкимъ, поѣхалъ къ Огареву, гдѣ засталъ Нечаева. Тутъ же, въ присутствіи Чернецкаго и англичанки *garde-malade*, онъ отдалъ всѣ деньги Огареву, а послѣдній, даже не считая, изъ рукъ въ руки, передалъ ихъ Нечаеву. Дальнѣйшая судьба этихъ денегъ неизвѣстна, такъ какъ Нечаевъ никому не отдавалъ въ нихъ отчета».

Записать этотъ разсказъ почти дословно, мы препроводили его къ сыну покойнаго издателя «Колокола», Александру Александровичу Герцену. Въ отвѣтъ на наше письмо Александръ Александровичъ говоритъ: «На сколько я помню, разсказъ Тхоржевскаго совершенно вѣренъ», и утверждаетъ, что онъ «получилъ отъ отца только 10.000 фунтовъ, которые и передалъ Огареву». Прибавимъ къ этому, что въ хранящейся у А. А. Герцена собственноручной распискѣ Огарева сказано, что онъ, Огаревъ, получилъ отъ А. А. Г.—на «всѣ остальные деньги Бахметьевскаго капитала», изъ чего слѣдуетъ, что извѣстная часть денегъ и, вѣроятно, проценты были прежде получены Огаревымъ, или, по крайней мѣрѣ, что послѣднему извѣстно было ихъ употребленіе, — и скорѣе первое, чѣмъ второе. По всей вѣроятности, и прежняя часть денегъ была передана туда же, куда пошли и остальные деньги.

Такова возможно точная исторія того «русскаго революціоннаго фонда», о которомъ такъ часто сообщались мнѣніе свѣдѣнія въ разныхъ журналахъ и книгахъ. Возстановляя здѣсь эту исторію по показаніямъ ближайшихъ къ ней лицъ, мы надѣемся на прекращеніе хода всякихъ фантастическихъ ея варьяцій и тѣхъ заключеній, какія изъ нихъ дѣлаются.

#### ТЪМА ЕГИПЕТСКАЯ И ПЕСЬИ МУХИ.

Для характеристики общественнаго настроенія въ Россіи считаемъ не безполезнымъ привести нѣсколько строкъ изъ частнаго письма къ близкому намъ человеку отъ одного довольно извѣстнаго лица въ Петербургѣ: «Два послѣдніе года были ужъ чересчуръ тяжелы. Но едва ли повне два года будутъ лучше, а для худшаго множество есть задатковъ. Намъ обьяла какал то египетская тьма, и пожалуй наши Араби-наши со временемъ найдутъ для себя англичанъ, но только не за моремъ: нѣмцы и у насъ, чего добраго, разрубить тотъ узелъ, который они разрубили во Франціи въ 1870 году. Но такъ ли мы перенесемъ эту операцію, какъ перенесла ее Франція, это — вопросъ, а пожалуй, это и не вопросъ. Наши Эльзасы и Лотарингіи и безъ того

готовы, какъ говорится, хоть въ воду отъ нашего хозяйства у нихъ...»

Выраженіе египетская тьма намъ кажется какъ нельзя болѣе подходящимъ къ теперешнему политическому состоянію Россіи и мы думаемъ, что выраженіе это имѣетъ всѣ шансы стать историческою кличкою для времени господства Побѣдоносцева. Какъ Игнатъевъ, отецъ лжи, такъ Побѣдоносцевъ несомнѣнно отецъ тьмы; можно даже догадываться, что какалъ либо изъ московскихъ богомолокъ принесла ему изъ Палестины, отъ самаго «пуха земли» пузырекъ съ «тьмою египетскою», которую онъ распространяетъ, за грѣхи россиянь, по царству его воспитанника.

Несомнѣнно, что россияне заслужили эту «казнь» грѣхами своей апатіи и покорности своимъ властелинамъ, но кажется, что Иегова ужъ слишкомъ жестокъ къ нимъ, насылая на Россію казни не по одной, какъ это онъ дѣлалъ съ землею Фараоновъ, а по нѣскольку, такъ какъ, если Побѣдоносцевскій ладанъ есть «тьма», то Катковъ, Толстой и т. п. — безспорно своего рода песьи мухи. Длинный рядъ казней египетскихъ, какъ извѣстно, закончился избіеніемъ первенцевъ, за которыми наступило потопленіе фараонова воинства въ морѣ, — явленія, которыя весьма много въ Россіи и Зап. Европѣ совершенно серьезно усматриваютъ въ ближайшей перспективѣ судебъ Россіи.

И въ самомъ дѣлѣ, отложивъ въ сторону всякія шутки, теперешнее положеніе Россіи вполне напоминаетъ положеніе Австріи передъ 1859 г. Прусскіе политики были бы не достойны своихъ преданій и репутаций, если бы не воспользовались временемъ разложенія государственной машины въ Россіи для осуществленія исконныхъ своихъ стремленій къ господству надъ лежащими на востокъ отъ Германіи областями, — какъ воспользовались въ свою пору Кавуръ и Наполеонъ III временемъ «тьмы» и внутренняго раздѣленія въ Австріи, а прусаки подобнымъ же временемъ во Франціи, — когда въ обоихъ случаяхъ многіе вполне искренніе патриоты, при извѣстіяхъ о пораженіи войскъ своего же государства, но управляемаго ненавистною и губительною системою, — говорили: «такъ имъ и нужно, пусть ихъ бьютъ!» Всего хуже, — что при этомъ физически (по тѣлу и по карману) были биты совсѣмъ не они!...

#### ПАРИИ ВЪ РОССІИ.

Административный произволъ дѣлаетъ въ Россіи просто невѣроятныя въ XIX ст. вещи, между прочимъ производитъ не только тысячи индивидуумовъ, поставленныхъ ни въ закона, какъ административные ссыльные и поднадзорные, но цѣлыя категоріи, чуть не наслѣдственные классы лицъ, лишенныхъ какого либо изъ существенныхъ правъ личности.

Мы помнимъ изумленіе, произведенное нѣсколько лѣтъ назадъ выдержкою газетъ изъ кодифицированныхъ кievскимъ уни-

верситетомъ, для канцелярскихъ удобствъ, распоряженій министра пар. просвѣщенія (гр. Толстого), — изъ которой выдержки видно было что саратовскихъ семинаристовъ и ставропольскихъ гимназистовъ запрещено было (конечно конфиденціально) принимать въ университеты. Съ тѣхъ поръ намъ не случалось читать объ отмигнѣ этого мудраго распоряженія. Но вотъ на дняхъ «Новое Время» (№ 3310) самымъ спокойнымъ тономъ сообщило о томъ, что, по инициативѣ и «благодѣянію» г. Побѣдоносцева, «тяготѣвшее почти восемь лѣтъ надъ воспитанниками вологодской духовной семинаріи запрещеніе поступать въ высшія учебныя заведенія недавно отмигнено». По счету времени, и обращеніе вологодскихъ семинаристовъ въ паріевъ пранадлежитъ гр. Дм. Толстому, — этому «единственному человеку», по выраженію несчастнаго Александра III. Теперь проклятіе снято съ вологодскихъ семинаристовъ, — но, во первыхъ, неизвѣстно, снято ли оно со всѣхъ другихъ подобныхъ паріевъ, а, во вторыхъ, какъ вамъ нравится такое государство, въ которомъ возможны въ настоящее время проскрипціи, подобныя той, какой подвергались 8 лѣтъ всѣ, имѣвшие счастье родиться въ извѣстной области и, часто по неволѣ, учились въ извѣстномъ учебномъ заведеніи?!

#### ВОЙНА СЪ ПАМЯТЬЮ О ШЕВЧЕНКѢ.

Могила Шевченка обращала на себя вниманіе русской печати въ послѣдніи недѣли. Въ отвѣтъ на сѣтованія кievской «Зари» на то, что могила эта обсыпается, г. Н. Лѣсковъ помѣстилъ въ «Новомъ Времени» прекрасную замѣтку, — совсѣмъ не подстать этой газетѣ, не пропускающей случая лягнуть тѣхъ людей, которые приняли къ сердцу произведенія знаменитаго поэта. Г. Лѣсковъ представилъ доказательства, что могила Шевченка обсыпается вовсе не отъ забвенія ея, а именно отъ того, что къ ней «не зарастаетъ пародная тропа», что, конечно, не опровергаетъ мысли о необходимости упрочить эту могилу монументальными сооруженіями. Газетные толки о могилѣ Т. Шевченка напомнили и намъ нѣкоторые факты, которые мы считаемъ интересными во многихъ отношеніяхъ и характеризующими положеніе дѣлъ въ Россіи.

Дѣло въ томъ, что съ могилой украинскаго поэта давно уже ведется глухая война, въ которой усердное участіе принимаетъ мудрая російская администрація. Такъ, едва только похоронили Шевченка и стали насыпать ему въ 1861 году могилу, надъ Дибиромъ у Канева, — какъ къ кievской администраціи стали поступать допросы отъ мѣстныхъ паповъ (польскихъ), поддерживавшіе статьи въ польскихъ газетахъ о томъ, что эта «Мекка украинскихъ хлопомаповъ и хлоповъ» служитъ очагомъ гайдамацкой пропаганды. Въ 1862 году мы встрѣтили даже въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи въ средѣ папковъ вѣру въ слухъ, образовавшійся во время этихъ допросовъ на правомъ берегу Дибиря, — будто въ могилѣ зарыты ножи, а самъ Шевченко не умеръ, а живетъ въ

Лондонѣ и явится на Уранну къ моменту новой гайдамачины.

Въ 1863 году кievскій предводитель дворянства Горватъ подалъ генералъ-губернатору Анненкову записку о необходимости срыть могилу Шевченка. Анненковъ, который вообще старался увѣрить правительство, что украинифильство гораздо опаснѣе, чѣмъ польское движеніе, по крайней мѣрѣ, въ югозападномъ краѣ, — вошелъ въ виды Горвата. Могилы, конечно, онъ не срылъ, но учредилъ надъ нею надзоръ: квартальный появлялся ко времени прибытія парохода (могила стоитъ какъ разъ надъ тогдашней пристанью) и записывалъ имена посетителей могилы, а сначала даже требовалъ у нихъ предъявленія паспортовъ. Но гораздо серьезнѣе была другая продѣлка, придуманная Анненковымъ: почтатели Шевченка предполагали построить около его могилы ремесленную народную школу. Дѣло о томъ поведено было официально порядкомъ, — но, по приказанію Анненкова, каневская городская дума не согласилась на помѣщеніе школы у могилы — которая лежитъ на городской землѣ, ни къ чему городу не служащей. Каневская коммуна, такимъ образомъ, остановила основаніе на своей землѣ школы, въ которой учились бы ея же дѣти! Въ 1877—1878 гг. проектъ школы у могилы Шевченка вновь былъ выдвинутъ однимъ одесскимъ кружкомъ, но остался безъ движенія вслѣдствіе высылки инициатора дѣла въ Архангельскую губернію. Въ послѣднее время мы получили изъ двухъ источниковъ извѣстіе, показывающее, что самое упоминаніе имени Шевченка передъ народомъ считается русской администраціей за преступленіе. Недавно одинъ изъ инспекторовъ народныхъ школъ югозападнаго края г. Самчевскій, — человекъ не замѣченный ни въ какихъ измахахъ, — былъ въ с. Кирилловкѣ, родннѣ Шевченка, и, уговаривая тамошнихъ крестьянъ основать и содержать у себя школу, упомянулъ о томъ, что въ ихъ селѣ родился такой извѣстный писатель. Этотъ аргументъ показался неблагонадежнымъ мѣстному мировому посреднику, который и донесъ о немъ губернатору (воспитанникъ кievскаго университета, С. Гудимъ-Левковичъ); губернаторъ пригласилъ инспектора для объясненій и повидному былъ имъ удовлетворенъ, — но тѣмъ не менѣе передалъ дѣло(!) генералъ-губернатору. Этотъ же потребовалъ отъ неучинителя увольненія г. Самчевскаго отъ службы, каковое требованіе и было уважено представителемъ трусливѣйшаго въ Россіи вѣдомства. Пужно ли что нибудь прибавлять къ характеристикѣ подобной глупости?!

М. Драгомановъ.

#### ТАМОЖЕННОЕ ВОРОВСТВО И ПРОТЕКЦИОНИЗМЪ, КАКЪ СИСТЕМА ХИЩЕНІЯ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

Никому не безизвѣстно, что русская промышленность, въ особенности торговая, отличающаяся постепеннымъ упадкомъ и вытѣсняемая шагъ за шагомъ со своихъ домашнихъ рынковъ иностранцами, выѣтъ съ тѣмъ представлять предметъ неусыпнаго попеченія министерства финансовъ и энергически охраняется всевозможными пошлинами отъ заграничной конкуренціи.

Для всякаго здравомыслящаго человека это совпаденіе покажется абсурдомъ и это, конечно, такъ по отношенію ко всякому европейскому государству, но въ эти государства русскому не указъ! Припомните только, что у насъ на всѣхъ пограничныхъ дорогахъ производится повальный обыскъ проезжихъ и прохожихъ, многочисленная пограничная стража безустанно преслѣдуетъ контрабандистовъ, безчисленные таможенники вынуждаютъ золотую пошлину (за расходами на исполненіе всего этого мы не стоимъ и не скунимся), — и въ то же время ни одному русскому производителю, ни одному торговцу не живется такъ хорошо, какъ послѣднему африскету иностранцу. Если вы наблюдали за банкротствами торговыхъ фирмъ, то, конечно, знаете, что на сто изъ нихъ 99 русскихъ. Что же за причины такого страннаго явленія? неужели только неразвитость и непримчивость русскаго торговца? Увы, совсемъ нѣтъ. Спросите любого купца, и онъ объяснитъ вамъ, что нѣтъ никакой возможности бороться съ иностранцемъ, которому открыты настежь всѣ двери и для котораго не существуетъ русскаго закона, который онъ не обошелъ бы такъ или иначе. Волей неволей, въ силу сложившихся обстоятельствъ, принужденный вести дѣло съ сырьемъ, съ товарами малоцѣнными, русскій торговецъ не можетъ увеличивать накладной расходъ подарками и наградами чиновному люду, а по-

тому ему и почетъ таковъ: не суйся съ суконымъ рыломъ въ калашный рядъ! Другое дѣло иностранецъ, привозящій цѣнные товары. Онъ, не стѣсняясь, отсчитываетъ купюру пужному человеку, а потому для него и чуда творятъ: шелкъ обращается въ глазахъ начальства въ пенку, золото въ чугуны, тажеловѣснѣе тюки дѣлаются легче пуху!

Вы, конечно, съ недоумѣніемъ отнеслись къ вышеизложеннымъ объясненіямъ и требуете фактическихъ доказательствъ. Ничего не можетъ быть легче, какъ предложить вашему вниманію ежегодные отчеты таможеннаго вѣдомства и посоветовать внимательно рассмотреть заключающіяся въ нихъ цифры. Удивительнѣе содержимаго въ этихъ цифрахъ возможно встрѣтить развѣ только въ разсказахъ Шехерезады. Но еще удивительнѣе то, что эти отчеты разсматриваются цѣлымъ департаментомъ таможенныхъ сборовъ, разными главными и неглавными контролерами, министромъ финансовъ и, въ концѣ концовъ, представляются государю — и никто рѣшительно не оцѣнилъ да сихъ поръ гениальности ихъ составителей. Это тѣмъ болѣе удивительно, что гениальность чиновниковъ сквозитъ въ каждой графѣ, въ каждой колонкѣ и кричитъ о себѣ, по напрасно...

Не угодно ли вамъ, наиримѣрь, взглянуть въ отчеты одесской таможни за 1875 и 1876 года. Въ 1875 году 31 декабря въ остаткѣ на 1 января 1876 года значится:

| Названія товаровъ.                   | Вѣсъ.              | Пошлина.           | На сумму.    |
|--------------------------------------|--------------------|--------------------|--------------|
| 1. Золотыя издѣлія . . . . .         | 280 п. 24 ф. 33 р. | — к. съ фунта      | 370.390 руб. |
| 2. Шелковыя издѣлія . . . . .        | 1545 »             | 5 » — »            | 30.900 »     |
| 3. Вумажныя ткани . . . . .          | 55 »               | 1 » 20 »           | 2.640 »      |
| 4. Басонная работа . . . . .         | 882 »              | 1 » — » съ пуда    | 882 »        |
| 5. Дамская обувь . . . . .           | 46 »               | 1 » 10 » съ фунта  | 2.024 »      |
| 6. Шерстяныя издѣлія . . . . .       | 7 »                | 1 » 32 »           | 370 »        |
| 7. Писчая бумага . . . . .           | 1275 »             | 8 » — » съ пуда    | 10.200 »     |
| 8. Британскій металл . . . . .       | 1050 »             | 2 » 50 »           | 2.625 »      |
| 9. Слесарная работа . . . . .        | 840 »              | 4 » 50 »           | 3.780 »      |
| 10. Железныя издѣлія . . . . .       | 38 »               | 5 » — »            | 1.90 »       |
| 11. Сталь . . . . .                  | 45 »               | 4 » 50 »           | 203 »        |
| 12. Фаянсъ . . . . .                 | 1758 »             | 2 » 50 »           | 4395 »       |
| 13. Издѣлія изъ гипса . . . . .      | 39 »               | 10 » — »           | 390 »        |
| 14. Гуттаперчевая обувь . . . . .    | 4 »                | 20 » — »           | 40 »         |
| 15. Органы и фисъ-гармоніи . . . . . | 31 штука           | 10 » — » со штуки  | 310 »        |
| 16. Сахаръ . . . . .                 | 201 п.             | 3 » 20 » съ пуда   | 643 »        |
| 17. Цикорій и кофе . . . . .         | 3985 »             | — » 25 »           | 995 »        |
| 18. Вашинные часы . . . . .          | 3 штуки            | 16 » 50 » со штуки | 50 »         |
| Итого пошлины                        |                    |                    | 431.027 руб. |

Въ отчетѣ же на 1 января 1876 года въ остаткѣ имѣется одна писчая бумага въ количествѣ 236 пудовъ на 1888 руб., остальные же предметы обложенія на сумму пошлины въ 429.029 рублей въ продолженіи одной ночи исчезли неизвѣстно куда! Это ли не чудо бухгалтеріи...

Но, разумеется, подобный пріемъ счетоводства есть исключительный, рискованный случай наемщины надъ контролерами; въ силу простой случайности его могли бы замѣтить — и виртуозы-бухгалтеры могли подвергнуться маленькой неприятности. Да и по результатамъ, въ какихъ нибудь 400 тысячъ, видно, что это просто шутка. Настоящее фокусничество состоитъ въ перенесованіи высокопошлинныхъ товаровъ въ низкопошлинные и безпошлинные, и въ этомъ случаѣ,

безъ полнчнаго въ рукахъ, ни одинъ ревизоръ не уличитъ таможенную лису въ томъ, что у нея «рыльце въ пушку»...

Ну есть ли возможность повѣрить, что черезъ ту же одесскую таможню прошло

Чаю цвѣточнаго. Чаю чернаго

въ 1865 году 537 пуд. 16.122

а въ 1878 году 1<sup>3</sup>/<sub>4</sub> » 30.936

Пошлина съ пуда 22 р. 15 р. 40 к.

Какой мудрецъ можетъ объяснить, почему при однихъ и тѣхъ же количествахъ беспошлинныхъ и пошлинныхъ товаровъ, средний сборъ съ пуда въ 1876 году составлялъ 23 копѣйки, а въ 1877, при золотой пошлинѣ и курсѣ 8 р. 90 к. за 5 рублей, получалось только 15 к. съ пуда?

И въѣдъ это не въ одной какой либо та-

можитъ, а во всѣхъ безъ исключенія, и, главное, не одинаково, а кому посчастливилось выторговать болѣе, кому менѣе; напримѣръ, пудъ шерсти оплачивался въ 1877 году:

|                  |         |
|------------------|---------|
| Въ Москвѣ . . .  | 47 коп. |
| » Петербургѣ . . | 55 »    |
| » Вержбовѣ . . . | 55 »    |
| » Гусятинѣ . . . | 80 »    |

Не дѣлаю дальнѣйшихъ выисковъ ради сокращенія письма, но желающихъ отсылаю прямо къ печатнымъ отчетамъ таможеннаго департамента,—тамъ они найдутъ и не такіе несообразности.

Принимая во вниманіе, что сборъ пошлинъ въ одной только петербургской сухонутной таможнѣ въ 1875 году, влѣдствіе входа посторонняго чиновничеству элемента—въ видѣ артели досмотрщиковъ, возросъ съ 28 милліоновъ до 45; припомнимъ, что весь пошлинный сборъ достигаетъ 200 милліоновъ, и вычисливъ соответственно уворованную сумму, придется не мало удивляться, что какіе нибудь 20 милліоновъ подушной подати составляютъ вопросъ, рѣшающійся десятками лѣтъ.

Подумаешь, сколько полемическихъ коній сломано въ нашей журналистикѣ при отстаиваніи одной стороною свободы торговли, другою протекціонизма! Сколько выводовъ дѣлалось на основаніи таможенныхъ отчетовъ и считалось достаточно вѣрнымъ основаніемъ для научнаго рѣшенія торговаго вопроса! И никто изъ ученыхъ не замѣтилъ, что одновременно съ громаднымъ вывозомъ—хотя бы русской сырой шерсти, мы, какъ показывають отчеты, получали изъ за границы въ еще болѣешихъ количествахъ тоже сырую шерсть для переработки на нашихъ фабрикахъ! Выходитъ, что у насъ тысячи фабрикъ завалены работой, а между тѣмъ на дѣлѣ, мы ихъ считаемъ десятками, да и тѣ на ладанъ дышать... Трудно рѣшить, какія потери больше: отъ прямаго ли расхищенія пошлинъ, или отъ произведеннаго этимъ застою во внутренней промышленности и переплатъ иностранцамъ за обработку нашихъ же сырыхъ матеріаловъ: разица вывезеннаго сырья и получасмаго изъ него продукта не рѣдко достигаетъ 2000 %.

Здѣсь нѣтъ мѣста рѣшать: вредъ или польза происходитъ отъ протекціонизма; мы сочли своею обязанностию лишь констатировать ложность тѣхъ фактовъ, на которые нерѣдко ссылались наши фритредеры, доказывая, что покровительственныя пошлины, кромѣ собственныхъ переплатъ, ни къ чему не ведутъ. Искорените государственный грабегъ, и тогда только судите о пригодности или вредѣ системы. Бѣда только въ томъ, что для искорененія этого хищенія не достаточно разогнать все существующее таможенное вѣдомство, а необходимо принять радикальныя мѣры къ устраненію охраны хищниковъ не только отъ обличенія прессы, но также отъ добросовѣстныхъ и способныхъ ревизоровъ. Намъ извѣстенъ цѣлый рядъ разоблаченій хищниковъ чиновникомъ К., состоявшимъ при бывшемъ министрѣ финансовъ Рейтернѣ; но именно за свои усиленные старанія этотъ чиновникъ и былъ уволенъ отъ службы.

С.-Петербургъ,  
1 сентября, 1882 г.

Григорьевъ.

### СЪ ОДНОГО ВОЛА ДВѢ ШКУРЫ. (Нѣ характеристикъ положенія административныхъ ссылныхъ).

Въ г. Ишимѣ припала бумага Архангельскаго губернатора, объявляющая, что по приговору Архангельской уголовной палаты, состоявшемуся три года назадъ, политическій административно-ссылный М., бывшій учитель, приговоренъ за «побѣгъ и оскорбленіе чиновника Сметанна къ двухмѣсячному аресту». Бумага эта путешествовала сначала въ Якутскую область, куда М. первоначально былъ назначенъ, и оттуда переслана въ г. Ишимъ, Тобольской губерніи, куда онъ сосланъ мѣсто Якутской области. Я былъ очевидцемъ «побѣга и оскорбленія чиновника Сметанна» и, потому, могу сообщить интересныя подробности этого обстоятельства. Въ 1878 г. М. былъ сосланъ въ г. Шенкурскъ Архангельской губерніи послѣ двухгодичнаго пребыванія (въ качествѣ одиночно-заключеннаго) въ Петербургской крѣпости. Какъ заключеніе это, такъ и ссылка въ Шенкурскъ не были результатомъ судебного приговора. Въ Шенкурскѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько административно-ссылныхъ той же категоріи. Надобно знать, что этотъ городъ есть не болѣе, какъ маленькая деревня, имѣющая de facto менѣе 1000 жителей. Ни интеллигентнаго общества, ни библиотекъ этотъ городъ не имѣетъ, въ трудѣ образованнаго человѣка онъ также не пуждается. Такимъ образомъ у М. было отнято право на трудъ. Куда дѣвать свой досугъ? Оставалось проводить время въ кругу товарищей. Чтобы не умереть со скуки, затѣвались пѣкоты, которыя не воспрещены закономъ удовольствія, какъ то: катанье въ лодкѣ, прогулка въ лѣсу общей компаніей. Однажды было затѣяно гулянье съ самоваромъ и съѣстными припасами. Рѣшено было отправиться въ лѣсъ, тамъ сварить обѣдъ и катань подышать свѣжимъ воздухомъ. Для этого ссылные наняли за 50 копѣекъ лодку и по рѣкѣ прибыли въ лѣсъ. Отдѣхали они ровно полторы версты отъ центра города, т. е. они не вышли за городскую черту, но официально плану отстоящую на три версты отъ центра города. Они не перешли за границу, определенную администраціей для обитанія ссылнаго. Тѣмъ не менѣе это искувало неправо Микунца; ему лично желательно было, чтобъ ссылные гуляли только по улицамъ города. И онъ, узнавъ объ этой прогулкѣ, сгоряча посылаетъ полицейскаго надзирателя Сметанна розыскать, гдѣ скрылись ссылные, и привести ихъ къ нему. Найти не трудно. Надзиратель идетъ на пристань и узнаетъ, что господа отправились на лодкѣ одного крестьянина. Онъ розыскалъ владѣльца этой лодки.

— Какъ ты смѣлъ дать свою лодку преступникамъ! кричитъ Сметаннъ на крестьянина. Надобно знать, что въ Архангельской губерніи никогда не было ни дворянства, ни сколько нибудь независимыхъ интеллигентныхъ классовъ общества, которые имѣютъ, хотя слабое, но все таки имѣютъ, понятіе о своемъ правѣ. Поэтому администрація, въ рукахъ которой тамъ до сихъ поръ и часть судебной власти, не видя ни откуда отпора, считаетъ себя хозяиномъ судьбы всѣхъ обитателей Архангельской губерніи.

Крестьянинъ дрожитъ.

— Я, ваше высокоблагородіе, преступникамъ своей лодки не давалъ, отвѣчаетъ онъ, моя лодка была привязана къ берегу, они, должно быть сами ее взяли.

— А, сами взяли, скорѣй полицейскихъ, поѣдемъ за ними! Ты, с. с., тоже съ нами отправишься, добавляетъ надзиратель, обращаясь къ хозяину лодки.

Экспедиція готова. Составъ ея таковъ: надзиратель Сметаннъ не въ официальной формѣ, а просто въ статскомъ сюртукѣ, даже шапка безъ кокарды, на которую онъ, впрочемъ, и не имѣетъ права, такъ какъ онъ выгнанный семинаристъ, не имѣющій чина, хотя и расторопный, т. е. умѣетъ кричать и бѣгать; два полицейскихъ служителя, одѣтые въ рваные, въ заплаткахъ, мундиры тѣхъ полковъ, гдѣ они когда то служили,—мундиры эти нѣсколько перешиты, такъ что составляютъ помѣсь одѣянія военнаго съ гражданскимъ,—ихъ оружіе—кинжалобразной формы—нѣсколько не напоминаетъ шапки петербургскихъ городовыхъ. Кромѣ надзирателя и двухъ полицейскихъ, на лодку садятся двѣ бабы, хозяйки нанятой ссылными лодки и еще одинъ мужикъ.

Экспедиція приближается къ мѣсту, гдѣ ссылные собрались; тѣ варятъ себѣ пищу и лодка ихъ привязана у берега; мѣсто это открытое, видное съ рѣки. Не доѣзжая до берега за двадцать шаговъ, горячій темпераментъ расторопнаго квартальнаго не выдерживаетъ. Онъ начинаетъ кричать:

— Какъ вы смѣли украсть лодку! Отдайте лодку!...

Затѣмъ, обращаясь къ полицейскимъ:

— Взять лодку, руби канатъ и тащи лодку!

Но онъ плохо разсчиталъ свои силы. Ссылныхъ было 7 человекъ: кандидатъ математическихъ наукъ В. и жена его, дворяне М., С., и Г., студентъ Г. и бывшій гимназистъ III.

Имъ предстоить несприятная перспектива отправляться въ городъ пѣшкомъ, вѣроятно побѣжденными и съ тяжелой ношею въ одинъ изъ жаркихъ дней года, причемъ придется переправляться черезъ овраги—и изъ за чего, когда лодка нанята?

Въ одинъ голосъ, какъ будто по заранѣе обдуманному соглашенію, каждый изъ ссылныхъ произноситъ: «не давать, господа!»

Двое изъ нихъ вскакиваютъ въ свою лодку и вооружаются веслами, кто хватается за канатъ, одинъ беретъ комъ ила въ руки. Начинается обоюдная перебранка. Надзиратель ругается, его тоже ругаютъ. Полицейскіе, крестьяне и бабы безучастно глядятъ на сцену и не исполняютъ эпергическихъ приказаній своего начальника. Дѣло кончилось безъ всякихъ рукопашныхъ дѣйствій тѣмъ, что полиція возвратилась къ неправоуку съ докладомъ о вооруженномъ сопротивленіи. Ссылные чрезъ нѣкоторое время сами вернулись въ городъ и немедленно отправились къ неправоуку настоячиво требовать объясненія. Исправникъ соглашается, что «хотя мѣсто ихней прогулки и лежитъ въ чертѣ города, но все таки лучше было бы, еслибъ они заранѣе объявили о своемъ намѣреніи гулять».

Между тѣмъ «дѣло о вооруженномъ сопротивленіи чиновнику полиціи» не прекращается, идетъ къ судебному слѣдователю. Затѣмъ



выходить резолюция, о которой сказано выше. Никто, кроме М., не пострадал. Надобно знать, что М. в судъ не вызывали, оправданий никаких не спрашивали, да и какъ было вызывать в судъ, когда, спустя некоторое время, его повезли съ двумя жандармами изъ Шенкурска въ Мезень, изъ Мезени, послѣ нѣсколькихъ дней его пребывания въ тамошней тюрьмѣ (при чемъ не говорили ему, зачѣмъ онъ понадобился въ Мезени), повезли обратно той же дорогой въ Вологду! Отъ Шенкурска до Мезени 881 верста утомительной дороги; отъ Мезени до Вологды 1289 верстъ. Эти поѣзды были сдѣланы зимой съ немовѣрной быстротою: 881 верста въ 7 дней и 1289 верстъ въ 9 дней. Казной истрчено для этого

|                         |              |
|-------------------------|--------------|
| на прогоны . . . . .    | 324 р. — к.  |
| на кормовыя жандарм-    |              |
| скими солдатами . . . . | 84 » 80 » *) |
| на кормовыя арестанта.  | 1 » 95 »     |

(т. е. въ  $11\frac{1}{2}$  разъ меньше, чѣмъ на каждого изъ сопровождавшихъ его жандармскихъ солдатъ).

Всего истрчено 410 руб. 75 коп.

Послѣдствіемъ такого путешествія во время ужасной стужи была болѣзнь. И М. помѣстили въ вологодскую земскую больницу. Но черезъ нѣсколько дней пришло приказаніе перевести его въ больницу тюремную. Тамъ онъ находился 5 мѣсяцевъ и затѣмъ отправленъ въ Западную Сибирь, такъ какъ, благодаря хлопотамъ, избавленъ отъ ссылки въ Якутскую область.

Какова была причина этихъ дорогихъ поѣздокъ? Очень малая.

М. былъ административно сосланъ, т. е. ему былъ воспрещенъ выѣздъ изъ города, для чего полиція отобрала у него подписку о невыѣздѣ. Подписка эта должна соблюдаться подъ страхомъ законной ответственности предъ мировымъ судомъ. По уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, ссылаемый въ случаѣ нарушенія этой подписки подвергается аресту отъ 7 дней до 3-хъ мѣсяцевъ. Давно уже администрація стала считать это наказаніе слишкомъ мягкимъ и за побѣгъ изъ ссылки стала переводить изъ одного города въ другой болѣе отдаленный, изъ одной губерніи въ другую болѣе отдаленную. Во время бѣшеная реакція 1878 года, когда изъ желанія не дать нигилистамъ разрушать законы, семью и собственность, администрація начала сама уничтожать законы, разрушать семьи и разорять собственность, и этого наказанія показалось мало. Тогда вышелъ «секретный законъ», не опубликованный до сихъ поръ и до сихъ поръ не имѣющій смысла объявляемый, хотя ко всѣмъ одинаково прилагемый, исключал, конечно, тѣхъ, кто можетъ розыскать себя протекцію.

\*) Пейзажу въ составленіи казенныхъ счетовъ можетъ удивить громадность суммы, выдаваемой на кормъ солдатамъ. Между тѣмъ моя цифра вполнѣ верна. Получается каждому жандарму по одной копейкѣ съ версты, проѣхавшей туда, но столько же за обратную дорогу. Жандармское начальство въ такую выгодную экспедицію всегда отправляетъ болѣе благонадежныхъ жандармовъ, но такъ какъ благонадежности вообще есть только частный случай вероятности, то эти благонадежные жандармы обыкновенно увеличиваютъ свои доходы еще вдвое и втрое. Какими способами? Объ этомъ расскажу когда нибудь впоследствии.

Этотъ секретный законъ представляетъ собой родъ западни, въ которую человекъ можетъ попасть, не зная о существованіи ея. Онъ гласитъ, что «за побѣгъ изъ мѣста ссылки, а также и за покушенія къ побѣгу будутъсылать въ Якутскую область». Ссылку въ сѣверныя мѣстности Якутской области нужно считать тяжелой каторжной работы, хотя эта ссылка на тонкомъ правительственномъ языкѣ называется «мѣрой предупрежденія преступленій». Но всего хуже то, что этотъ законъ не объявленъ, и М. о существованіи его даже не подозрѣвалъ и по незнанію очутился дѣйствующимъ лицомъ въ слѣдующей сценѣ.

Холодное осеннее утро. Солнце еще далеко не встало. По пустынной проселочной дорогѣ въ 34-хъ верстахъ отъ г. Шенкурска медленно подвѣзжастъ къ узкой рѣчкѣ двухколесный телега, на которой крестьяне возятъ павозы. Оборванный мужикъ сонно управляетъ своей клячей. На телегѣ два подозрительные пассажира, одинъ въ сноготой пубѣ, другой въ короткомъ пальто. Одинъ М., а другой его товарищъ. Всѣго багажа у нихъ подупка, которая имъ въ эту ночь ниспослана небомъ: они напали се на проѣзжей дорогѣ и очень обрадовались, такъ какъ ѣхать безъ багажа значитъ возбудить подозрѣніе. Они вышли изъ города безъ вещей, чтобъ не обратитъ вниманія на свой выходъ. За рѣчкой видна группа мужиковъ, какъ бы ожидающая чего то. Паромъ перевезъ странныхъ путешественниковъ. Подходятъ одинъ изъ мужиковъ, впоследствии оказавшійся урядникомъ, и требуетъ паспортовъ. М. говорить, что нѣтъ у него паспорта. Тогда обоихъ арестуютъ и подъ конвоемъ десятка мужиковъ возвращаются въ городъ. Начинается дѣло о побѣгѣ и пр., съ одной стороны, идущее административнымъ порядкомъ, а съ другой—судебнымъ. Съ одной стороны, административное наказаніе въ видѣ полугодишнаго пребыванія въ тюрьмѣ и ссылки въ Сибирь за побѣгъ и прочія преступленія—съ другой, судебный приговоръ въ видѣ двухмѣсячнаго ареста за тотъ же побѣгъ и тѣ же прочія преступленія. За одно и то же дѣяніе идутъ кары съ двухъ сторонъ, каждое вѣдомство наноситъ отдѣльные удары.

Эта корреспонденція въ средній прошлаго года, была послана мной въ одну московскую газету; она не нашла себѣ мѣста тамъ, быть можетъ, потому что въ это время уже дѣйствовало секретное распоряженіе цензуры \*), воспретившее печатать что либо объ административно-ссылныхъ. Между тѣмъ для русской публики всѣмъ свѣдѣніямъ объ условіяхъ жизни этихъ ссыльныхъ должны имѣть глубокій интересъ, ибо въ настоящее время ссылка есть обязательное мѣстопробываніе для всякаго честнаго человека, и если не всѣ честные люди Россіи находятся въ ней, то лишь благодаря той случайности, что не всѣ они дѣлали опыты высказывать убѣжденія свои, не стѣняясь страхомъ. Вотъ почему я думаю, что корреспонденція моя не утратила и теперь интереса для печати.

Василій Сидорацій.

\*) Известное мнѣ по слуху.

## ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНТИСЕМИТИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ.

(Спеціальная корреспонденція «Вольн. Слова».)  
II \*)

Дни конгресса были такъ наполнены различными преніями и питимыми совѣщаніями, что я увидѣлъ себя въ невозможности исполнить свое первоначальное намѣреніе — вести ежедневный журналъ о всѣхъ моихъ дрезденскихъ впечатлѣніяхъ; я зналъ къ тому же, что, кроме перваго моего письма, ни одно другое не могло дойти до Васъ во время, чтобы попасть въ № «В. С.», выходящій 15 Сентября. Теперь уже поздно воспроизводить полную картину конгресса, но за то легче изложить принципы его созданія, сущность его работъ и главные изъ ближайшихъ его результатовъ.

Прежде всего нужно сказать, кѣмъ былъ созданъ конгрессъ и изъ кого состоялъ онъ.

Начало замѣчательныхъ движеній бываетъ часто весьма скромное и незамѣтное. Въ срединѣ 70-хъ годовъ, молодой дрезденскій купецъ, по имени Пинкертъ, занимавшійся оптовою вывозною торговлею, сталъ размышлять о причинахъ застоя въ дѣлахъ и вообще матеріальнаго и правственнаго упадка своего отечества, такъ быстро послѣдовавшаго за славою и добычею германо-французской войны. Человѣкъ жизни и самоучка въ полномъ смыслѣ слова, Пинкертъ не сталъ заглядывать въ книги для разрѣшенія своихъ сомнѣній, а началъ путешествовать, сперва по германскимъ государствамъ, а потомъ и по другимъ странамъ Европы, вездѣ обращая вниманіе исключительно на положеніе производительныхъ классовъ и вдумываясь въ средства болѣе правильной организаціи труда. Возвратившись въ Дрезденъ, онъ съ немногими друзьями рѣшился образовать *Deutscher Reform-Verein*, первое ядро политической партіи въ Германіи. Реформеры, какъ они себя называли, были равнодушны къ политическимъ теоріямъ и государственнымъ формамъ, чѣмъ они рѣзко отличались отъ германскихъ либераловъ и прогрессистовъ; на первомъ планѣ они поставили социальныя-экономическіе вопросы, но сходясь съ социаль-демократіей въ конечной цѣли своихъ стремленій, реформеры также рѣзко разошлись и съ нею относительно средствъ осуществленія, и выработанное ими нѣмъ «реформеры» слѣдуетъ понимать какъ «переволноуны», — «Партія Реформы» значить партія стремившаяся къ измѣненію общественнаго строя путемъ не насилія, а убѣжденія и общаго согласія. Главною, ближайшею задачей движенія, по мысли его основателя должна была быть борьба противъ господства капитала и эксплуатаціи имъ труда.

По замѣчательному и отнюдь не случайному, стеченію обстоятельствъ, руководство передовой либеральной (прогрессивной) партіей въ Германіи находится совершенно въ рукахъ евреевъ, да и социаль-демократическая состоитъ съ нею въ тѣсной связи. Въ нападѣніяхъ, послѣдовавшихъ съ этихъ двухъ сторонъ, на реформеровъ, съ самаго образо-

\*) См. № 45.

вания их фрейна в Дрезден в 1879 г., особенною ждкостью и враждебностью отличались евреи, прямо старавшиеся заподозрить независимость вождей реформеров и обвинявшие их в корыстном служении правительственным целям. Возникшей по этому поводу рязкой полемикой и разным прояскам со стороны евреев слдует приписать, что реформеры, бывшие сначала антикапиталистическою партией вообще, сдлались и партией антисемитической в особености.

В 1880 году, когда реформеры достаточно окривли, чтобы держать первое публичное собрание, на которое явились и единомышленники их из других частей Германіи, то случилось событие, проливающее яркой свтъ на партійныя отношенія Германіи. Хозяева нъскольких фабрикъ вблизи Дрездена, измѣненные прогрессисты и чистокровные евреи, вступили въ соглашение съ вождями социал-демократовъ въ Саксоніи; въ три часа дня фабрики были закрыты, рабочіе получили даровую порцію водки и стройными колоннами, въ числѣ 18.000 ч., двинулись на Дрезденъ, атаковали собрание реформеровъ, бывшихъ не болѣе 300—400 ч., и жестоко избили ихъ, прежде чѣмъ немногочисленная полиція Дрездена могла что-либо сдѣлать.

Событіе это, однако, вызвало негодование между другими саксонскими рабочими, видѣвшими въ реформерахъ если не прямыхъ представителей своихъ интересовъ, то по крайней мѣрѣ полезныхъ союзниковъ, и доставило партіи большую извѣстность въ Германіи. Уже въ сентябрѣ 1881 г. въ Дрезденѣ могъ собраться конгрессъ изъ делегатовъ реформфрейновъ, образовавшихся между тѣмъ въ Бреслау, Берлинѣ, Барменѣ, Хемницѣ, Эльберфельдѣ, Касселѣ, Мюльгаузенѣ и т. д., которые установили сообща программу шмещей партіи реформы и положили считать за свой органъ, выходящую въ Дрезденѣ съ Декабря 1879 г. «Deutsche Reform». Сущность программы, изложенной въ 20 пунктахъ, еще разъ выражена въ слѣдующемъ краткомъ воззваніи къ народу подъ заглавіемъ: Чего мы хотимъ?! «Мы хотимъ фактическаго для всѣхъ равнаго права, которое намъ хотя было, правда, обѣщано, но не доставлено такъ называемыми либералами, истинной свободы вмѣсто сѣ ложной виѣнности, истинной справедливости для малыхъ и большихъ, устраненіе привилегій движимаго крупнаго капитала, справедливаго—по крайней мѣрѣ, равномъ право—обложенія всѣхъ предметовъ имущества, покровительства государства для экономически слабого противъ эксплуатациіи со стороны сильнаго и могущественнаго, равное участіе въ законодательствѣ и нтающихъ (nährenden) классовъ съ потребляющими, возвращенія къ порядку, нравственности и религіи — однимъ словомъ: нравственнаго возрожденія нашего народа и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженія становящагося все болѣе ужаснымъ бдѣствія.

«Кто хочетъ противодействовать лживости и продажности значительной части нашей ежедневной печати, какъ главной причинѣ лживости мысли, застою и разврата всѣхъ классовъ населенія, кто еще не потерялъ своего мужественнаго сознанія въ грязномъ

реализмѣ и эгоизмѣ нашего времени, у того еще есть достаточно души, чтобы чувствовать себя частью цѣлаго, кто думаетъ о будущности своихъ дѣтей — тотъ будетъ, почти долженъ быть наинимъ, поборникомъ въ борьбѣ за священнѣйшія права народа и противникомъ чрезуръ развивагося вліянія и преобладанія чуждаго намъ, болѣе и болѣе высасывающаго элемента, который никогда съ нами не сольется и не жслаетъ слиться».

Можно судить какъ угодно объ этомъ документѣ (который я перевелъ дословно и подчеркивалъ только тѣ слова, которыя были подчеркнуты въ подлинникѣ), но нельзя не согласиться, что онъ мало похожъ на обыкновенныя произведенія литературныхъ перьевъ; изъ подписавшихся подъ нимъ его составителей только одинъ журналистъ, или, лучше сказать, издатель газетъ—самъ Пинкертъ (литературное имя его Вальдегъ), да и тотъ самоучка, — остальные же представители различныхъ ремеселъ, 3 лавочника, 2 фабриканта, 1 плотникъ, 1 слесарь, 2 сапожника, 1 портной, 1 булочникъ, 1 лакировщикъ и 1 книгопродавецъ.

Сколько мнѣ удалось узнать, большинство делегатовъ реформфрейновъ на ныѣшнемъ конгрессѣ, тѣ же мелкіе буржуа и ремесленники (Handwerker); изъ этихъ слоевъ состоитъ и вся ихъ партія, собственно говоря, а къ ней примыкаютъ съ права и съ лѣва ные элементы, ищущіе союза съ партіей реформы для собственныхъ своихъ выгодъ или идущіе за ней какъ уже за готовой организаціей; съ лѣвой стороны—многіе фабричные рабочіе, не засербованные еще въ социаль-демократическую или социальнореволюционную партію, съ навой, мелкіе дворяне-землевладѣльцы и протестантскіе пасторы. Впрочемъ, послѣдніе, съ своими единомышленниками, хотя и входятъ въ союзъ съ реформерами, но образуютъ особые христіанско-соціальныя фрейны и стоятъ на другой почвѣ. Реформеры пользуются благосклонностью саксонскаго правительства, развивагося и въ позволеніи имъ держать устроенный ими антисемитическій международный конгрессъ въ столицѣ Саксоніи, и таковою же со стороны другихъ мелкихъ германскихъ правительствъ, главнымъ образомъ, за ихъ торжественный и искренній отказъ отъ революціи. Напротивъ, крупное или имперское правительство относится къ реформерамъ несовсѣмъ довѣрчиво; ему уже неприятно, что центръ движенія виѣ Пруссіи и что партія высказывается положительно за сохраненіе правъ мелкихъ государствъ, т. е. за федеративное устройство Германіи. Не разъ прусскіе члены партіи пытались перевести центральный комитетъ, руководящій партіей, въ Берлинъ, но каждый разъ большинство фрейновъ настаивало на сохраненіе его въ Дрезденѣ.

Напротивъ, христіанскіе социалисты всѣ вышли изъ консервативныхъ круговъ, поддерживаются прусскою аристократіей, дворомъ и даже имперскимъ канцлеромъ, поддерживаются, впрочемъ, тоже довольно платонически. Извѣстный придворный проповѣдникъ Штѣкеръ началъ еще раньше реформеровъ писать и говорить противъ евреевъ, въ которыхъ онъ видѣлъ главныхъ виновниковъ социальнаго и нравственнаго разложенія германскаго

государства и германскаго народа. Идеалъ его — осуществленіе цѣлей социализма посредствомъ союза съ христіанствомъ — весьма высокій; нельзя отрицать, что первые христіане и были первыми и, до сихъ поръ, самыми совершенными изъ социалстовъ. Но возможно ли подобное возвращеніе за 18 вѣковъ назадъ, и безъ вѣры въ близкій конецъ міра, — вотъ что кажется сомнительнымъ. Болѣе всего, однако, вредитъ Штѣкеру и его приверженцамъ другое — ихъ желаніе играть политическую роль и приобрести вліяніе на имперское правительство, желаніе, которое и поднимаетъ ихъ этому правительству, заставляя ихъ терять ту независимость и свободу дѣйствій, которою отличаются собственно реформеры. На антисемитическій конгрессъ Christlich-Socialer явились не охотно, дѣлали постоянно оговорки и вообще составляли консервативную, правую сторону конгресса.

Изъ Берлина же явились и представители крайней лѣвой стороны антисемитовъ, такъ называемые обыкновенно Staats-Socialisten. Одинъ изъ берлинскихъ реформеровъ, д-ръ Генрици, молодой и весьма талантливый ораторъ и писатель, былъ недоволенъ умѣреннымъ тономъ и осторожными дѣйствіями дрезденскаго центрального комитета; не выходя изъ партіи, онъ основалъ, однако, въ Берлинѣ особую группу, названную имъ Sozialer Reichs Verein. Тогда какъ большинство реформеровъ, исповѣдая социализмъ въ душѣ, не считаютъ нужнымъ выставлять публично свои конечныя цѣли и довольствуется пропагандою ближайшихъ, легальной борьбою противъ самыхъ уродливыхъ явленій капитализма, Генрици и его фракція громко заявляютъ, что они социалисты, что жслаютъ проведения въ жизнь социалистическихъ идей и что отличаются отъ социаль-демократовъ только вѣрою въ пользу диктатуры для переходнаго времени; они мечтаютъ о «социальномъ королевствѣ» (Soziale Koenigthum) или о «социальной имперіи» (Soziale Reich). Не смотря на то, что они, такимъ образомъ, скорѣе враждебны мелкимъ государствамъ и склонны къ національной централизациіи въ интересѣ социализма, они считаются опаснымъ элементомъ и у берлинскаго правительства. Страстные, порывистыя рчи Генрици, его вліяніе на народные массы, сношенія съ вождями социаль-демократовъ рязкія нападенія на органы власти, — все это заставляетъ, говорить, Бисмарка думать, что, хотя Генрици и предлагаетъ, такъ сказать, прусскому царскому дому социальную диктатуру въ германской имперіи, но что, въ случаѣ несоответствія его намѣреніямъ, Генрици могъ бы некачать орудіе этой диктатуры и въ другомъ мѣстѣ... Утверждаютъ, поэтому, что готовится распоряженіе Бундесрата, по которому государственные или имперскіе социалисты будутъ приравнены къ социаль-демократамъ, съ приписаніемъ къ нимъ и знаменитаго закона о социалистахъ.

Тожѣ къ лѣвой сторонѣ антисемитовъ, хоть и не къ такой крайней какъ государственныя социалисты, принадлежатъ делегаты венгерскихъ антисемитическихъ фрейновъ. Во главѣ ихъ стала естественно самая замѣчательная, сильная и высокая личность изъ всѣхъ собравшихся на конгрессъ, Викторъ Интоци. Роста и сложенія атлета, но съ

кротким и мягким выражением лица, уступчивый и легко соглашающийся во всем, что не касается его главной идеи, а относительно ее непоколебимый и неприклонный, — Ишточи страшнейший из врагов, которых имѣют евреи. Онъ провел не малую часть своей жизни въ наблюдении за дѣятельностью и влиянием евреевъ въ его отечествѣ, изучалъ ихъ и въ другихъ странахъ, испытывалъ ихъ характеръ и стремления въ столкновенияхъ съ ними на различныхъ поприщахъ своей жизни, и изъ всего этого вынесъ глубокое, проникнутое его сердцемъ и душою убѣждение, для служения которому онъ и посвятилъ свою дѣлательную жизнь. Борьба съ евреями у него не средство, не одна изъ цѣлей, это вся цѣль, весь смыслъ его жизни.

Ишточи видятъ въ евреяхъ такихъ же угнетателей Венгрии, какъ прежде были турки, онъ считаетъ для всей христіанской Европы еврейское завоевание столь же опаснымъ, какъ въ XVI в. турецкое, онъ поставилъ себѣ задачей открыть на эту опасность глаза всѣхъ и каждого и призвать на бой съ евреями всѣхъ, кому дорого свое отечество, религія, культура. Ишточи принадлежатъ мысли сдѣлать противоеврейское движеніе международнымъ; онъ вступилъ въ сношенія съ нѣмецкими антисемитами, и по его желанію и настоянію Пинкертъ и центральный комитетъ реформеровъ организовали настоящий конгрессъ.

Отличнымъ помощникомъ Ишточи служитъ Иванъ Шимони, уже членъ венгерскаго парламента, а въ то же время редакторъ «*Ungarische Post*», венгерскаго органа, выходящаго въ Прессбургѣ на нѣмецкомъ языкѣ; чрезвычайно живой, дѣлательный, многосторонне образованный и начитанный, Шимони искусно поддерживаетъ идеи Ишточи, популяризируетъ ихъ и увлекаетъ въ ихъ пользу своимъ неистощимымъ блестящимъ ораторскимъ искусствомъ. Къ этимъ двумъ присоединился Оноди, самый молодой изъ венгерскихъ депутатовъ и представитель именно той мѣстности (Тиса-Эсларъ), въ которой случилось дѣйствительное или вымышленное убійство Естеръ Шолмонн евреями, — нѣсколько адвокатовъ, журналистовъ, мелкихъ помѣщиковъ (всѣ дворяне), какъ видите люди совершенно другаго сорта, чѣмъ германскіе реформеры.

Контрастъ увеличивался еще тѣмъ, что, тогда какъ реформеры, несмотря на свое сочувствіе идеямъ социализма, представляютъ скорѣе реакцію противъ либераловъ и идутъ отчасти въ союзъ съ консерваторами, съ которыми ихъ связывали, кромѣ того, умѣренность тона и уваженіе къ властямъ, — венгерскіе антисемиты, происхожденіемъ вдвойнѣ аристократы, какъ сыны господствующей мадьярской народности и какъ лица дворянскаго сословія, принадлежатъ тѣмъ не менѣе къ радикальной партіи въ своемъ отечествѣ, желающей расторгнуть всякую связь съ Австріей и даже уничтожить монархію.

Между многочисленными германскими антисемитами и блестяще представленными венгерскими, антисемиты австрійскіе и малочисленные и незначительны, — нѣсколько выдавался между ними только Цербони, секретарь единственнаго австрійскаго реформерейна и издатель 2 маленькихъ газетъ «*Oesterreichischer Volksfreund*» и «*Patriotische Flug-*

*blätter*». Говорятъ, въ Австріи евреи слишкомъ могущественны, чтобы кто нибудь рѣшился прямо возставать противъ нихъ. Это только было, слышанное мною на конгрессѣ, не дѣлало бы много чести мужеству жителей Австріи, но я сомнѣваюсь въ его полной вѣрности, такъ какъ знаю, что всѣ славянѣ австрійскіе и большая часть консерваторовъ нѣмцевъ постоянно жалуются на евреевъ, союзниковъ австрійскихъ нѣмцевъ-либераловъ. Я думаю скорѣе, что австрійскія партіи слишкомъ заняты международною борьбою, чтобы начинать еще новую.

Кромѣ этихъ національностей было еще 2 бельгійца, 1 голландецъ и 3—4 болѣе или менѣе негласныхъ и совершенно ничего не говорившихъ русскихъ. Вотъ вамъ политическій, социальный и этнографическій составъ конгресса.

Берлинъ,  
22 сентября 1882 г.

Ш—тъ.

#### ПОДВИГИ БАТТЕНБЕРГА.

(Письмо къ редактору «Вольнаго Слова»)

Недавно, пять лѣтъ тому назадъ, великодушный русскій народъ, потрясенный страданіями своего единоумнаго и единоплеменнаго болгарскаго народа, предпринялъ тяжелую войну для освобожденія его отъ рукъ агарянскихъ. После упорной борьбы съ врагомъ и балканской природой, после тяжелыхъ нештатій, неудачъ, речьями пролитой русской крови и после неслыханныхъ расходовъ, обусловленныхъ не столько дороговизною самой войны, сколько неслыханнымъ хищничествомъ начальствующихъ лицъ, наконецъ, благодаря безпримѣрной выносливости и храбрости русскаго солдата, непріятель былъ совершенно разгромленъ. Вѣнцомъ этой дорого стоившей побѣды, благодаря опасеніямъ и зависти Европы, а быть можетъ, благодаря только перѣнливости и несамовѣренности русскихъ дипломатовъ, появилось маленькое, убогое болгарское княжество. Освобожденный народъ получилъ конституцію и, благодаря либеральному настроенію управлявшаго тогда Болгаріей князя Дондукова-Корсакова, предоставившаго полную свободу составителямъ этой конституціи, послѣднія вышли достаточно согласною съ духомъ времени и дала еще недавно безправному рабу возможность распоряжаться самимъ собою. Но для чего было все это? Развѣ только для того, чтобы дать ему вкусить великую разницу между рабствомъ и свободой? Выбѣтъ съ конституціею освободители надѣли Болгарію и княземъ, котораго народъ вовсе не зналъ и не могъ знать и къ которому, какъ къ члену враждебной славянству націи, естественно не могъ питать никакого довѣрія. Бывшій поручикъ прусской гвардіи, воспитанный въ ничего не подѣланныхъ и развратѣ, по своему понятію, какъ скоро оказалось, обязанности державнаго правителя, а именно увидѣвъ въ своемъ высокомъ положеніи лишь средство продолжать съ большимъ удобствомъ свою прежнюю безобразную жизнь, при болѣе роскошной, княжеской, обстановкѣ, на устройство которой да на личныя прихоти правителя, по его понятіямъ, и предназначалась главными образомъ государственная казна. Но болгарская конституція сильно тому препятствовала, а потому князь, не смотря на торжественно принесенную имъ присягу охранять конституцію свято и непркосновенно, съ перваго же дня принятія въ свои руки бразды правленія сталъ работать для ея уничтоженія. Такимъ то честнымъ правителемъ надѣлили русскіе освобожденный ими народъ! Онъ пришелъ въ томъ, поддержку и со стороны нѣсколькихъ изверговъ болгарскаго народа, главное же — со стороны русскихъ реакціонеровъ, славянофиловъ и всякихъ подобныхъ «филовъ», которыми, съ перваго же своего

появленія на свѣтъ, болгарская конституція казалась опасною, соблазнительною приманкою для недовольнаго русскаго общества. Они сразу начали ратовать противъ нея. Такимъ образомъ смертоносный ударъ болгарской свободѣ приготовился съ самаго момента ея возрожденія, но увѣряютъ, что покойный государь, къ которому князь, при своихъ частыхъ посещеніяхъ, петербургскаго двора, обращался за позволеніемъ отменить конституцію, всегда тому противился. Но настала благоприятная минута, когда, по убійствѣ царя, русское правительство стало тщетно искать повсюду ингилизмовъ. Болгарскій князь воспользовался случаемъ при помощи русскихъ реакціонеровъ оклеветать свое конституционное министерство и всю болгарскую интеллигенцію, выставивъ ихъ глупымъ ингилизмомъ, и этимъ путемъ успѣлъ занесть позволеніемъ новаго царя объ отнятіи конституціонныхъ правъ у болгаръ и, по возвращеніи изъ Петербурга, начать извѣстный державный переворотъ въ Болгаріи. Но если бы не было тайной и явной поддержки со стороны русскаго правительства, если бы не было употреблено все находящееся въ Болгаріи русское офицерство для подавленія всякой попытки со стороны болгаръ къ противодѣйствію князю и если бы тѣмъ же офицерствомъ — этими освободителями — не были употреблены всѣ позволительныя только банишныя насильственные средства, то клятвопреступный Баттенбергъ давно бы нашелъ свой прусскій полкъ или свой постъ параднаго генерала въ Россіи, чтобы укрыться отъ справедливаго негодованія народа. Но передъ открыто заявленной волей русскаго царя принятельный къ своимъ освободителямъ болгарскій народъ долженъ былъ преклонить голову и не пить поднесенную ему отравную чашу.

При этомъ нужно замѣтить, что изъ всѣхъ русскихъ единомышленниковъ и сообщниковъ преступленія князя, московскій славянофилъ П. С. Аксаковъ оказался особенно ревностнымъ поборникомъ отнятія народнаго права у болгаръ. Но благополучномъ для князя окончаніи переворота, онъ, П. С. Сергѣевичъ, былъ удостоенъ собственноручнымъ письмомъ преступнаго князя, въ которомъ ему была объявлена сердечная благодарность за участіе въ «Руси» подвиги и признано его первенствующее сотрудничество въ преступномъ дѣлѣ князя. Хвала моековскому славянофильскому богатію! Какому расхищенію для награжденія всѣхъ русскихъ и болгарскихъ соучастниковъ въ этомъ преступленіи и для издержекъ на всѣ насильственные и незаконныя мѣры поддержанія болгарскаго князя, видно изъ того, что въ кратковременный періодъ отъ объявленія переворота (27 апр. 1881 г.) до официальной его утвержденія незаконнымъ Свирскимъ соборомъ (1-го іюля того же года) изъ находящихся въ государственной казнѣ 15 милл. франковъ, бережливѣе бывшимъ конституціоннымъ правительствомъ, не осталось и санима, да въ добавокъ, вскорѣ за тѣмъ, былъ объявленъ новый бюджетъ съ дефицитомъ въ 3 милліона.

Послѣ сказаннаго, если бы мы начали называть всѣ незаконныя и преступныя дѣйствія уже ничѣмъ не ограниченаго и самовластно распоряжающагося Болгаріей Баттенберга, то пришлось бы написать статью далеко переходящую за предѣлы газетныхъ размѣровъ, поэтому мы ограничимся изложеніемъ только одного выдающагося факта, очень хорошо извѣстнаго всѣмъ служащимъ въ Болгаріи русскимъ. Этотъ фактъ служитъ нагляднымъ примѣромъ тому, какъ Баттенбергъ не церемонится съ государственнымъ кассою бѣднаго княжества и для какихъ низкихъ цѣлей онъ ее расхищаетъ. Случился этотъ фактъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но и до сихъ поръ не преданъ гласности, хотя своевременно и былъ сообщенъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» въ фельетонной формѣ, а при стѣснительномъ положеніи печати въ Россіи, разумеется, былъ представленъ въ такомъ замаскированномъ видѣ, что только лицамъ знакомымъ съ нимъ, онъ могъ быть вполне понятенъ. Фактъ этотъ весьма неудобенъ для печати и мы ни за что не взлѣзъ бы за его воспроизведеніе, если бы онъ не бросалъ яркаго свѣта



на то ненормальное, вопиющее положение, в котором находится Болгария.

Вот, в чем дело. Содержатель кофейни в Софии, хорват Р—к, имел довольно красивую дочь, за которую княжеские адъютанты очень старательно ухаживали и, видимо по их рекомендации, князь пожелал видеть ее у себя. Стали уговаривать отца привести ее во дворец, суля по истини княжеский подарок в 20,000 фр. Через несколько же дней после того, как состоялась сдѣлка, является Р—к к министру финансов, Жебзковичу, с собственноручной запискою князя о выдаче подарку 20,000 фр. Министръ, при видѣ этого княжескаго предписанія, пришел въ замѣлательство, но все же у него хватило рѣшительности возвратить записку назад Р—ку съ словами: «хотя ошъ, министръ, и признаетъ, что эта записка его высочества, но такъ какъ къ ней не приложено никакого оправдательнаго документа, безъ котораго законъ не позволяетъ отпустить денегъ изъ казны, то ошъ, противъ своей воли, не можетъ выдать требуемую сумму». По донесеніи объ этомъ князю, послѣдній приходитъ въ изступленіе и посылаетъ адъютанта Ползиковъ съ приказаніемъ обвинить министру свое монаршее неудовольствіе и приказать ему немедленно выдать требуемую сумму Р—ку, грозя въ противномъ случаѣ немедленно отрѣшить министра отъ должности. Жебзковичъ въ отвѣтъ указалъ адъютанту законъ и прибавилъ, что ошъ скорѣе предпочтетъ потерять должность, чѣмъ выдать требуемую сумму безъ оправдательныхъ документовъ, потому что, рано или поздно, его непременно отрѣшатъ отъ должности несогласнаго министра и тогда контроль заставить его, какъ простаго отвѣтственнаго гражданина пополнить растрату изъ собственного кармана. Тогда только князь рѣшился написать официальное предписаніе, замѣняющее оправдательный документъ, — и деньги Р—ку были выданы....

Разсказанный случай лишь одинъ изъ многихъ подобныхъ же скандаловъ, творимыхъ княземъ въ стѣнахъ своего софійскаго дворца и видѣ оныхъ. Памъ, конечно, мало дѣла до его подвиговъ сладострастія, но за что же эти подвиги, несоизмѣнно развращающіе народъ, должна оплачивать державная казна?

Совольно намъ приходится въ голову такіе разсужденія: для чего, для какой цѣли русское правительство такъ старательно, всѣми зависящими отъ него средствами поддерживать этого ничтожнаго князя въ его стремленіяхъ совершенно деспотически управлять Болгаріей? Неужели оно настолько близорукое и ослѣпленое, что въ этомъ видитъ преуспѣваніе и гарантію для будущности созданнаго имъ княжества? Или здѣсь кроется нечестное намѣреніе убить въ народѣ всякое стремленіе, всякое помышленіе къ участію въ своихъ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ и такими образомъ очистить дорогу, облегчить способъ для включенія Болгаріи въ число русскихъ губерній, чтобы и сюда внести гнетъ бюрократіи? Если это такъ, то нельзя не сожалѣть о близорукости русскихъ государственныхъ людей, а болгарамъ не остается ничего болѣе, кроме: сознанія жестокаго обмана, сожалѣнія о преждевременныхъ радостяхъ и надеждахъ и о безграничномъ доврѣніи къ русскимъ. При турецкомъ владычествѣ, которое, впрочемъ, при всемъ своемъ варварствѣ не было много хуже темерскаго, дѣйствующаго подъ русскимъ руководствомъ, была по крайней мѣрѣ въ лучшее будущее и эта вѣра внушала терпѣніе и мужество....

Но нѣтъ, этого нельзя допустить, этого быть не можетъ, — это было бы величайшимъ изъ преступленій въ исторіи. Да кроме того, должны же мы не забывать, что за близорукимъ русскимъ правительствомъ стоитъ великодушный народъ. О нѣтъ! этотъ великій народъ не можетъ допустить, чтобы подобный позоръ, подобное пятно пало на его славу, на его величіе! Дай, Боже, поскорѣ въ его руки распоряженіе своими судьбами!

Но, если ни той, ни другой изъ сказанныхъ цѣлей русское правительство не переслѣдуетъ въ Болгаріи, то чего же именно оно надѣется

достигнуть подобною политикой? Можетъ быть, увеличенія русскаго вліянія въ Болгаріи? Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ему напередъ постараться внимательно вглядѣться въ болгарскій народъ, изучить его, проникнуть въ его душу, а тогда оно непременно убѣдилось бы, что преслѣдуемая имъ теперь политика не только не принесетъ пользы, но прямо вредитъ упроченію русскаго вліянія въ Болгаріи. Самъ собою, болгарскій народъ, во всѣхъ его слояхъ, развитыхъ и неразвитыхъ, не признаетъ и не можетъ признавать надъ собою инаго вліянія, кроме русскаго, и всякій, безъ исключенія, болгаринъ убѣжденъ въ своей душѣ, что только русскіе его единственныя спасенія на свѣтѣ друзья, покровители и союзники, что, впрочемъ, совершенно вѣрно, и что ошъ никогда и ни за что не былъ бы измѣнникомъ Россіи. Но не смотря на все это, необдуманное и нелегальное вліяніе русскаго правительства по внутренній, домашній дѣла болгаръ, начинаясь очень тяжело чувствоваться въ болѣе развитыхъ слояхъ народа и сознаніе, что русское правительство своимъ вѣднательствомъ и мачихинимъ опекуномъ ужасно связываетъ руки народа и пренятствуетъ его развитію и благосостоянію, изо дня въ день глубже проникаетъ въ массу и начинаетъ уже находить отголосокъ и въ печати, которая до сихъ поръ благоговѣнно молчала о всѣхъ неволиваемыхъ поступкахъ русскихъ въ Болгаріи, изъ опасенія быть обвиненною въ неблагодарности и непризнательности къ освободителямъ. И не удивительно будетъ, если терпѣніе признательнаго народа начнетъ нестерпываться и ошъ станетъ искать средствъ для освобожденія отъ вреднаго ему, хотя и братскаго, опекуства. Примѣръ Сербіи не далекъ. Черезчуръ старательная поддержка русскимъ правительствомъ, славянофилами (sic) и реакціонерами неспаснаго тирана Христича и властолюбиваго митрополита Михаила принудила сербовъ сбросить съ себя русское опекуство и броситься въ объятія Австріи, такъ какъ подобнымъ маленькимъ, бѣднымъ и слабымъ государствамъ трудно существовать безъ покровительства большихъ и сильныхъ. Но если этому примѣру, чего не дай богъ, принуждены будутъ послѣдовать и болгаре, тогда какинъ утѣха будетъ для великодушнаго русскаго народа, пролившаго кровь сотни тысячъ своихъ сыновъ и давшаго послѣднюю свою кофѣйку для освобожденія болгаръ, видѣть тѣхъ же болгаръ въ объятіяхъ кого нибудь изъ своихъ же враговъ?

Эти, хотя и несправедливы, но логичныя разсужденія предоставляемъ на усмотрѣніе русскому правительству и еще болѣе русскому народу.

Софія, 13/27 іюля 1882.

Болгаринъ.

## НАЦИОНАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ.

(Продолженіе)

Вѣроятно найдется не мало людей, слышавшихъ о бѣдственномъ положеніи земледѣльческаго населенія въ Ирландіи, которые очень удивились бы, если бы имъ сказали, что шотландскіе и англійскіе мелкіе фермеры и сельскіе рабочіе живутъ развѣ не многимъ лучше ирландскихъ. А между тѣмъ имъ сказали бы сущую истину. Въ этомъ можно убѣдиться на основаніи фактовъ, занимаемыхъ нами изъ книги Уэллеса \*) и нѣкоторыхъ

\*) Вотъ полное заглавіе книги: Land Nationalisation, its necessity and its aims. Being a comparison of the system of landlord and tenant with that of occupying ownership in their influence on the well-being of the people. By Alfred Russel Wallace. London. 1882. (Национализація земли, ея необходимость и выгоды. Сравненіе системы лэндлордства и фермерства съ системой свободнаго пользованія землей и ихъ вліяніе на благосостояніе народа). — Замѣтимъ, что авторъ книги есть именно тотъ знаменитый путешественникъ и натуралистъ

другихъ повѣйшихъ и надежныхъ источниковъ.

Сначала бросимъ бѣглый взглядъ на исторію развитія лэндлордства въ Шотландіи, а потомъ скажемъ нѣсколько словъ о поземельныхъ отношеніяхъ въ Англіи.

«Въ доброе старое время» каждый вождь шотландскаго клана былъ маленькимъ монархомъ, имѣвшимъ право суда надъ остальными членами клана — *к л а н с м с п а м* — и право вести войну съ другими вождями и другими кланами. Однако, кланмены не были крепостными или вассалами, но свободными людьми. Древній шотландскій кланъ представлялъ нѣчто въ родѣ сербской задруги, большаго семейства, всѣ члены котораго часто были дѣйствительно одной крови. То была настоящая патриархальная система. Всякій послѣдній клансманъ имѣлъ такое же право на обрабатываемую имъ землю, на пользованіе пастбищами, лѣсомъ и торфомъ въ болотахъ, на охоту въ горахъ, на рыбную ловлю въ озерахъ, какъ и вождь клана. Разница между ними была только количественная: вождь обладалъ болѣе обширными помѣстьями и пользовался нѣкоторыми другими привилегіями. Но мало по малу предводители клановъ превратились въ англійскихъ лэндлордовъ. Перемена эта нѣкоторое время осталась безъ рѣзко выраженныхъ матеріальныхъ послѣдствій. Наиболѣе состоятельные и важные кланмены получили отъ лэндлордовъ землю, за пользованіе которой они должны были уплачивать годичную ренту. Землю эту кланмены перѣдко отдавали отъ себя въ аренду болѣе бѣднымъ горцамъ-хайлэндерамъ, дробя ее на мелкіе участки. Скоро дала себя почувствовать англійская система майноратовъ. Вслѣдствіе ряда женитьбъ и унаслѣдованій, а также путемъ купли — крупныя помѣстья становились все крупнѣй и сосредоточивались въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа лэндлордовъ. Въсѣтъ съ тѣмъ и старый корпоративный духъ клана сталъ исчезать, а исконныя права клансменовъ были преданы забвенію. Когда, вскорѣ послѣ этого, Англія повела большую американскую и континентальную войну, то шотландскіе помѣшны (дворяне) приняли въ ней самое дѣятельное участіе и набирали изъ клансменовъ знаменитые полки хайлэндеровъ, прославившіеся своей геройской храбростью и оказавшіе англійскому войску неоцѣнимыя услуги. Такъ какъ это обстоятельство много содѣйствовало поднятію общественнаго значенія шотландскихъ помѣшниковъ, то они стали всѣми силами благоприятствовать образованію и умноженію сословія мелкыхъ фермеровъ, разсчитывая воспользоваться ихъ отважными сынами для пополненія рядовъ великобританскаго воинства. Болѣе крупные, зажиточные изъ этихъ фермеровъ назывались *таксменами*, болѣе мелкіе *крофтерами*. Такимъ образомъ, долны Шотландіи наполнились мирнымъ, предприимчивымъ, работящимъ населеніемъ, живущимъ въ полномъ матеріальномъ довольствѣ.

Уэллесъ, перу котораго принадлежитъ превосходный сочиненіе — «Малайскій Архипелагъ: страна орангутанга и райской птицы», «Къ теоріи естественнаго подбора», «Географическое распредѣленіе животныхъ», «Тропическая природа», «Островная жизнь пль лавенія и причины островной фауны и флоры» и др.

Это было лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ. Попытно, что, благодаря лэндлордамъ и ихъ алчнымъ агентамъ, такое положеніе дѣлъ не могло удержаться долго. Чтобы увеличить ренту, агенты лэндлордовъ и многіе такемени стали все болѣе дробить участки крофтеровъ, такъ что участка едва хватало на прокормленіе семьи, и крофтеры, чтобы не умереть съ голоду, принуждены были искать дополнительнаго заработка въ фабричномъ трудѣ. Бѣдность быстро возростала и скоро достигла крайнихъ предѣловъ вслѣдствіе лишенія земли большаго числа фермеровъ — подъ влияніемъ эвикцій или, какъ ихъ называютъ въ Шотландіи, очистокъ, clearances. Лэндлорды, соблазненные овцеводами шотландскихъ равнинъ (Lawland), предлагавшими взять у нихъ землю подъ пастбища за болѣе крупную ренту, начали превращать пахотныя поля въ луга и для этого стали «очищать» свою землю, т. е. прогонять съ нея густое населеніе фермеровъ-землевлдѣльцевъ. Вообще лэндлорды воспользовались всѣми своими неограниченными правами на землю (jus utendi et abutendi), которыя за ними признаются англійскимъ законодательствомъ. Они объявили своей исключительной, абсолютной ответственностью все, что находилось въ ихъ помѣстьяхъ — пастбища на холмахъ, дичь въ болотахъ, лососину въ рѣкахъ и даже рыбу, водившуюся у принадлежащаго имъ морскаго берега. Начались «очищенія». Сотнями и тысячами несчастные шотландскіе фермеры прогнаны съ земли, на которой жили ихъ дѣды и пра-дѣды, — куда нибудь на неприхвѣтливый морской берегъ или просто на всѣ четыре стороны. Многіе изъ нихъ принуждены были эмигрировать въ Америку и другія страны.

Одно изъ наиболѣе знаменитыхъ «очищеній» было произведено въ нѣсколько пріемовъ во владѣніяхъ маркиза Стаффорда, въ Сусерландѣ, въ періодъ времени отъ 1807 до 1814 г. Подробное описаніе его мы находимъ въ книгѣ А. Mackenzie — The Highland Clearances. 1881. Всего было переселено и изгнано около пятинадцати тысячъ человѣкъ. Изгнаніе совершалось съ неслыханной жестокостью. Дома фермеровъ, не переселившихся въ назначенный срокъ, поджигались агентами маркиза, при чемъ погибло въ пламени много стариковъ, больныхъ, женщинъ и дѣтей, которые не успѣли во время оставить свои жилища. Очищенія не менѣе жестоки и обширны были мѣсто въ 1853 и 1862 г., Уэллсѣ же и Macdonald (см. The Highland Crofters of Scotland. 1878) утверждаютъ, что clearances въ Шотландіи периодически повторяются и по сіе время. По свидѣтельству Macdonald'a всѣ бѣдствія, которыми страдаетъ Ирландія, можно теперь встрѣтить и въ Шотландіи, гдѣ фермеры тоже доведены до крайнихъ предѣловъ бѣдности непомерной рентой, произволомъ лэндлордовъ — увеличивающихъ арендную плату за каждое улучшеніе по хозяйству, сдѣланное фермерами — и постоянно висящей надъ ними грозой эвикцій. О быстромъ возрастаніи бѣдности въ Шотландіи можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по прогрессивному увеличенію суммы, расходуемой ежегодно въ этой странѣ на призрѣніе бѣдныхъ. Въ 1846 году она составляла триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, теперь же достигла девяти сотъ тысячъ. Въ то же самое время

населеніе съ 2.770.000 возросло до 3.627.000. Изъ этого слѣдуетъ, что пауперизмъ въ Шотландіи увеличивается почти въ девять разъ быстрѣ цифры населенія. Въ числѣ другихъ пагубныхъ для шотландскихъ землевлдѣльцевъ злоупотребленій лэндлордовъ своими правами укажемъ еще на тотъ фактъ, что за послѣдніи двадцать лѣтъ шотландскіе лэндлорды занимаются систематической денатурализацией страны, отводя для охоты большія пространства плодородной земли, которая могла бы прокормить не одинъ десятокъ фермерскихъ семействъ. Такой отвсѣденной для охоты земли теперь насчитывается въ Шотландіи около двухъ милліоновъ акровъ (около одного милліона десятинъ)!

Приведенные факты достаточны для характеристики аграрнаго пауперизма въ Шотландіи. Обратимся теперь къ Англіи.

Brodrick, въ своей книгѣ English Land and English Landlords, (1881), говоритъ, что современный англійскій лэндлордъ облеченъ такою могущественною и неограниченною властью надъ населеніемъ его помѣстій, которой никогда не пользовались ни саксонскіе, ни нормандскіе вожди въ самую цвѣтущую пору ихъ господства. Мѣстный насторъ обыкновенно креатура лэндлордовъ, часто обязанъ ему своимъ мѣстомъ. Фермеры всѣ должники лэндлорда и нерѣдко находятся въ положеніи tenants at will, т. е. арендуютъ землю безъ всякаго письменнаго контракта, гдѣ бы значился срокъ и условія аренды, и, слѣдовательно, во всемъ зависятъ отъ произвола землевлдѣльца, который можетъ во всякое время повысить ренту насколько захочетъ и прогнать фермеровъ. Сельскіе торговцы тоже во всемъ зависятъ отъ лэндлорда; они платятъ ему ренту, онъ во всякое время можетъ ихъ разорить своею немилостью. Болѣе мелкіе арендаторы-земледѣльцы (labourers) живутъ въ коттеджахъ, принадлежащихъ опять тому же лэндлорду; они абсолютно въ его рукахъ, платятъ ему ренту, сравнительно превышающую ту, которая уплачивается болѣе крупными фермерами; они не могли бы прокормиться безъ помощи наемной зымыей работы разнаго рода, которую имъ опять доставляетъ тотъ же лэндлордъ. Прибавимъ къ этому, что лэндлордъ обыкновенно занимаетъ какую нибудь важную административную или судебную должность, что еще увеличиваетъ его власть и влияние, — и мы убѣдимся, что въ современной Англіи, привыкшей гордиться своей цивилизаціей и политической свободой, лэндлорды въ предѣлахъ своихъ помѣстій облечены властью надъ населеніемъ, мало чѣмъ уступающей, по сущности, власти восточныхъ деспотовъ. Безъ позволенія лэндлорда никто не можетъ жить на его землѣ. Очевидно, что пока право людей жить на родинѣ или въ томъ мѣстѣ, гдѣ они заблагоустроились, будетъ зависеть отъ произвола какого нибудь крупнаго поземельнаго собственника, до тѣхъ поръ не можетъ быть настоящей независимости человѣческой личности, политической свободы, самоуправленія — не говоря уже о матеріальномъ благосостояніи поработенныхъ классовъ.

Уэллсъ приводитъ множество поразительныхъ примѣровъ деспотическаго вмѣшательства англійскихъ лэндлордовъ во всѣ сферы матеріальной и нравственной жизни людей,

которымъ по несчастію пришлось обитать въ ихъ помѣстьяхъ. Изъ этихъ примѣровъ выбираемъ слѣдующіе три.

Нарушеніе религіозной свободы. Въ апрѣлѣ 1879 г. въ Daily News были напечатаны письма, которыми обмѣнялись Mc Aulay, священникъ вельеянской секты, и Langhorne Burton, поземельный собственникъ въ Линконпайрѣ. Первый писалъ второму въ весьма почтительной формѣ, прося его слова разрѣшить въ деревнѣ Багъ-Эндербі запрещенное имъ вельеянское богослуженіе, которое тамъ совершалось безпрепятственно уже въ теченіе 30 лѣтъ. Вотъ отвѣтъ, полученный на это письмо отъ лэндлорда: — «Милостивый государь, — я получилъ ваше письмо отъ 17 числа, въ которомъ вы просите снова разрѣшить вамъ вельеянское богослуженіе въ одномъ изъ моихъ коттеджей въ Багъ-Эндербі и прибавляете въ концѣ, что отсутствіе отвѣта съ моей стороны будетъ принято вами за знакъ согласія. Я считаю такой способъ рѣшенія вопроса чрезчуръ поспѣшнымъ и требую, чтобы вы ни подъ какимъ видомъ не приводили въ исполненіе вашего намѣренія, пока вы не выслушаете отъ меня писемъ слѣдующаго. Въ противномъ случаѣ результатомъ вашей выходки было бы, вѣроятно, изгнаніе изъ Багъ-Эндербі всѣхъ вашихъ прихожанъ, которые вообще мало представляютъ для меня выгоды въ качествѣ арендаторовъ. Я хочу имѣть фермерами только приверженцевъ официальной церкви и считаю себя вообще свободнымъ выбирать кого хочу, не принимая въ соображеніе ни чьихъ заявленій по этому поводу. О другихъ причинахъ, которыя могли меня заставить запретить ваши митинги въ Багъ-Эндербі, считаю лишнимъ объясняться съ вами». И такъ законы Англіи, позволяющіе рѣшительно всякой религіозной сектѣ свободную практику своего культа, безсильны защитить вельеянцевъ Багъ-Эндербі отъ произвола ихъ лэндлорда! Burton, вѣроятно, не единственный землевлдѣлецъ, позволяющій себѣ подобное возмутительное насиліе надъ человѣческой совѣстью, хотя, конечно, не многіе дѣйствуютъ такъ открыто, какъ онъ.

Нарушеніе политической свободы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вся Англія была поражена эвикціей, жертвой которой сдѣлался г. Поре, крупный фермеръ, пользовавшійся, какъ искусный и ученый агрономъ, чуть ли не европейской извѣстностью. Семья Поре'овъ впродолженіе трехъ поколѣній мирно владѣла фермой, которая была превращена имъ изъ «обширнаго болота» въ цвѣтущій садъ. Рента уплачивалась всегда самымъ аккуратнымъ образомъ. И, несмотря на все это, г. Поре былъ внезапно изгнанъ лэндлордомъ за то, что онъ расходился съ нимъ въ политическихъ убѣжденіяхъ и принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ.

Насильственное выселеніе жителей цѣлой деревни. Froude въ сентябрьской книжкѣ 1880 г. извѣстнаго англійскаго журнала Nineteenth Century рассказываетъ почти невѣроятный для нашего времени случай эвикцій въ Англіи. «Не дальше миль отъ того мѣста, гдѣ я пишу — говоритъ Froude — лежитъ помѣстье на девонширскомъ берегу, недавно полученное по наслѣдству однимъ англійскимъ дворяномъ. Тутъ находилась не-

взрачная деревушка, населенная матросами, лодчанами и рыбаками, предки которых жили в этой деревушке с незапамятных времен. Хижины были все ветхия, полуразвалившиеся. Предшественники дюка, вопреки обычаю, в течение цѣлаго столѣтія не израсходовали ни копѣйки на починку жилищъ. Когда теперешній дюкъ былъ введенъ во владѣніе имѣніемъ, ему заявили, что, для того чтобы она могла продержаться далѣе, деревушку необходимо перестроить, но что расходы на такую перестройку были бы совершенно излишни, потому что матросы и рыбаки, живущіе въ деревнѣ, не занимаются земледѣліемъ и, слѣдовательно, не доставляютъ лэндлорду никакой матеріальной выгоды. Послѣ такого заявленія, дюкъ распорядился, чтобы дома просто срыли, что и было исполнено, причемъ около половины населенія было пущено по бѣлу свѣту искать себѣ новаго мѣстожительства. Еще нѣсколько такихъ примѣровъ тираніи — замѣчаетъ Froude — могли бы вызвать опасный кризисъ.

Средневѣковой крѣпостію, которому по своему положенію соответствуетъ теперешній англійскій labourer, могъ быть изгонимъ съ воздѣлываемой имъ земли не иначе, какъ по приговору особаго суда. Какъ бы плохо съ нимъ ни обращался его сюзеренъ, но онъ всетаки имѣлъ свой домашній очагъ и кусокъ земли, который онъ могъ обрабатывать со всѣмъ рвеніемъ настоящаго собственника. Позже, когда вилены сдѣланы свободными людьми, фримсмены, лэндлорды стали по возможности уменьшать размѣръ заработка земледѣльцевъ, которые, вслѣдствіе постепеннаго отчужденія лѣсовъ и луговъ въ исключительную собственность лэндлордовъ, окончательно попали въ руки послѣднихъ. Съ цѣлью смягчить печальныя послѣдствія такого ограниченія заработной платы былъ изданъ первый Poor Law, законъ о бѣдныхъ, и около того же времени появился указъ Елизаветы, предписывавшій, чтобы къ каждому новому коттеджу прибрѣзлось четыре акра (двѣ десятины) земли. Вообще положеніе земледѣльцевъ въ Англіи было еще лѣтъ сто тому назадъ значительно лучше теперешняго. Matthews утверждаетъ, что въ 1720 г. заработокъ англійскаго земледѣльца былъ такимъ значительнымъ, какимъ онъ никогда не былъ ни прежде, ни послѣ этого года. И дѣйствительно, въ одномъ изъ парламентскихъ отчетовъ 1868 г. (First Report of the Women's and Children's Employment Commission) говорится между прочимъ слѣдующее: «До 1775 г. земледѣльцы находились въ значительно болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Заработокъ ихъ вполне удовлетворялъ жизненнымъ потребностямъ, они платили болѣе низкую ренту, пользовались лѣсомъ и правомъ косить сѣно на лугахъ и имѣли наемъ пріобрѣсти со временемъ въ аренду маленькую ферму». Съ тѣхъ поръ доходы лэндлордовъ постоянно увеличивались, рента и цѣна сельскохозяйственныхъ продуктовъ удвоились. Въ концѣ прошлаго столѣтія мясо стоило 4 пенса за фунтъ, сыръ — 3½, масло — 6½, а еженедѣльная заработная плата сельскихъ рабочихъ была около 8 шиллинговъ. Уже въ 1850 г. цѣна всѣхъ съѣстныхъ припасовъ значительно возросла, а заработная плата понизилась. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ цѣна

съѣстныхъ припасовъ болѣе чѣмъ удвоилась, а заработки уменьшились болѣе чѣмъ на половину. Кроме того, сельскимъ рабочимъ приходится теперь платить болѣе высокую квартирную и поземельную ренту.

«Прежде — говоритъ Уэллесъ — labourer имѣлъ право пользоваться пастбищами и лугами землевладѣльца и травой, растущей по сторонамъ большихъ дорогъ, что давало ему возможность содержать корову, осла, домашнихъ птицъ и пр. Теперь, вслѣдствіе примѣненія Enclosure Act'a (законъ объ изгородяхъ), всѣ пастбища, луга и трава около дорогъ поступили въ исключительную собственность лэндлордовъ. Современный англійскій labourer принужденъ питаться исключительно хлѣбомъ и плохимъ, жидкимъ чаемъ, лишь изрѣдка прибавляя къ этому кусочекъ сыра или «искусственнаго» масла. Дѣти его вырастаютъ, не зная вкуса коровьяго молока. За пеніишемъ собственнаго сада, единственнымъ развлеченіемъ labourer'a служитъ провозженіе свободнаго времени въ ближайшемъ кабацѣ, а единственная перспектива подл старость — окончить свое бѣдственное существованіе гдѣ нибудь въ рабочемъ домѣ».

Таковы грустные матеріальныя и нравственныя условія жизни сельскаго пролетаріата въ Шотландіи и Англіи. Мы видимъ, что они, на самомъ дѣлѣ, не многимъ лучше тѣхъ, при которыхъ приходится существовать несчастнымъ ирландцамъ и что агитация въ пользу націонализаціи земли находитъ также въ Шотландіи и Англіи вполне готовую для себя экономическую почву.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ тѣ реальныя социально-экономическія условія, на которыя можетъ опереться ученіе о націонализаціи земли, мы теперь перейдемъ къ изложенію этого ученія по замѣчательному сочиненію Генри Джорджа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

## НОВАЯ ЯЗВА КАПИТАЛИЗМА

Школьные сберегательныя кассы въ Швейцаріи и во Франціи.

Любопытный матеріалъ для характеристики нравственныхъ понятій извѣстныхъ классовъ общества представляютъ свѣдѣнія о состояніи школьныхъ сберегательныхъ кассъ въ Швейцаріи и во Франціи, заимствуемыя нами изъ статьи д-ра Гильома, директора тюрьмы въ Невшателѣ, помѣщенной въ «Zeitschrift für schweizerische Statistik, 1881, 4 Quartal-Heft». Самая статья эта напечатана въ статистическомъ журналѣ въ видахъ возможно болѣе широкой пропаганды школьныхъ кассъ.

Школьныя сберегательныя кассы, по словамъ автора, еще не достигли въ Швейцаріи того распространенія, котораго можно было ожидать, судя по размѣрамъ первоначальнаго движенія въ ихъ пользу. Къ сожалѣнію (?), движеніе это нашло открытую оппозицію въ нѣкоторыхъ кантонахъ и притомъ именно въ обществѣ учителей. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ противниковъ школьныхъ кассъ въ тѣхъ лицахъ, которые, будучи послѣдователями извѣстной народно-хозяйственной школы, объявляютъ сбереженіе вообще вреднымъ для общественнаго благосостоянія; другіе, — социаллисты крайней лѣвой, — не желаютъ, чтобы

рабочій сберегалъ, такъ какъ, благодаря этому, только возрастетъ число капиталистовъ, «откармливаемыхъ бюргеровъ». Наконецъ, третій классъ противниковъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «и такъ, беззаботное счастье ребенка должно быть смущаемо мыслями о сбереженіи и предусмотрительности? Не боятся ли вы посадить въ молодыхъ сердцахъ зародыши эгоизма и скупости? Берегитесь, чтобы слишкомъ рано пробужденное чувство бережливости у невиннаго дитяти, не послужило толчкомъ къ тому, что оно станетъ вносилѣдствіи палача руку на чужое имущество». Авторъ не имѣетъ намѣренія разсматривать теоретически всѣ эти возрѣнія противниковъ школьныхъ сберегательныхъ кассъ. Въ качествѣ члена статистическаго общества, онъ ставитъ себѣ задачею способствовать разъясненію этого вопроса передъ лицомъ общественнаго мнѣнія при помощи собранныхъ имъ фактовъ. Посмотримъ же, насколько эти факты оправдываютъ ожиданія автора.

Въ Бельгіи и Франціи школьныя сберегательныя кассы достигли уже быстраго развитія, тогда какъ въ Швейцаріи онѣ только что возникаютъ. Цѣль ихъ скорѣе воспитательная, нежели экономическая. Онѣ должны внушить ребенку, особенно бѣднаго класса, чувство сбереженія и своевременную привычку къ предусмотрительности. Поэтому вкладчиками въ эти кассы должны быть сами дѣти, а не ихъ родители, какъ это дѣлается въ кантональных кассахъ, которыя къ тому же не принимаютъ вкладовъ меньше 1 франка, а такою суммою дѣти бѣднѣйшаго класса располагаются весьма рѣдко. Общая сумма вкладовъ въ школьныя кассы въ Швейцаріи простиралась съ 1875 по 1879 г. до 180.701 фр. 39 с., слѣд. до 36.000 фр. въ годъ или отъ 40 до 45 фр. въ годъ на дѣтя. Въ Невшателѣ послѣ многолѣтней борьбы кассы эти имѣли особенный успѣхъ. Организация ихъ въ этомъ кантонѣ во всемъ подобна бельгійской и французской. О послѣдней авторъ приводитъ со словъ Малареса, много потрудившагося для распространенія этого учрежденія, слѣдующія свѣдѣнія. Учитель класса входитъ въ соглашеніе съ болѣе или менѣе сберегательной кассой о дѣлѣ и часѣ, когда еженедѣльно можетъ быть вносима въ нее сумма, которую вручили въ теченіе мѣсяца учителю его ученики. Этими послѣднимъ учитель объявляетъ, что они могутъ внести вклады не болѣе 5 фр. сразу, а если вкладъ дойдетъ до 1 фр. въ мѣсяцъ, то онъ уже помѣщается въ сберегательную кассу, которая выдаетъ самому ученику книжечку, дѣлающую его кредиторомъ и освобождающую учителя отъ великой дальнѣйшей отвѣтственности за эти деньги. При содѣйствіи отца, матери, опекуна ребенокъ всегда можетъ получить деньги обратно на полезное употребленіе, напр., на помощь своему семейству. Авторъ впадаетъ въ пагубу при мысли, что возможность для дитяти во всякое время получить свои деньги на полезное употребленіе, должна воспитывать въ немъ желаніе создать себѣ средства на время нужды, избѣгая безнормальныхъ расходовъ.

Общая сумма вкладовъ во всѣ сберегательныя кассы Франціи въ теченіе 18 лѣтъ передъ войною 1870 г. увеличивалась среднимъ числомъ въ годъ на 26 милл. фр., такъ что,

составляя в 1852 году (когда вступил в силу последний органический закон о сберегательных кассах) 275 милл. фр., — 30 июня 1870 г. она достигла уже 720 милл. После войны, в 1872 г., последняя сумма уменьшилась до 515 милл., но в последующие годы снова поднялась — в 1873 г. до 535, в 1874 до 573 милл. Начиная с этого времени, она стала возрастать ежегодно на 100 милл. фр. В феврале 1877 г. она равнялась уже 791 милл. фр., в настоящее же время уже превзошла миллиард. Это увеличение обязано главным образом открытию в 1874 г. школьных сберегательных касс, с участием учителей. При 4000 школьных кассах состояло до 260.000 учеников, так что уже по заключении школьных годов 1875 и 1876 французские мастерские и м-ста для рабочих получили значительное число молодых рабочих, которые, вследствие усвоенной ими привычки к бережливости и трезвости мысли отличались любовью к порядку и умением сопротивляться злым соблазнам. А затем, какое влияние оказали эти тысячи бережливых детей на своих родителей, на своих старших братьев и сестер, даже на соседей, при помощи своих кассовых книжек, при помощи рассказов о всем том, что им читалось в школах поощряющего и возбуждающего насчет сберегательных касс! Сколько, далее, рабочих, которые до того времени во всю свою жизнь не видали кассовой книжки, было также рукою этих детей приведено к сберегательной кассе, и в образ жизни которых вошла регулярная бережливость и предусмотрительность! Сверх того, инспекторы высших и низших школ воспользовались удобным случаем, чтобы в своих циркулярах знакомить учителей с основами «здоровой экономической науки» (т. е. партикуляристического кривотолка, который нигде так не силен, как во Франции), и таким образом быть организаторами «крестового похода»(?), в котором тысячи популярных апостолов провозглашали против «безпривычки, беззаботности, лени и безответственности». Участие в сберегательных кассах несомненно бывает различное, смотря по классу населения. Всего больше оно у среднего класса, у ремесленников и у фабричных рабочих (?); к этой категории относится 50%, тогда как детей поденщиков и т. п. около 10%, всех прочих классов около 8%. Из богатого класса имется лишь незначительное число вкладчиков (1%), впрочем потому, что здесь родители делают вклады для своих детей в большие сберегательные кассы, а, следовательно, не нуждаются в школьных кассах. Самые бедные также вносят не более 1%; где их участие больше, там это влияние учителей. В виду таких успехов школьных касс было уже сделано предложение выдавать премиями учителям, которые вводят в действие сберегательную кассу и ведут ее к удовлетворительному развитию.

Еще более любопытны ответы различных швейцарских учителей и пасторов на разосланные им д-ром Гильомом вопросы относительно нравственного влияния новых школьных касс. Пастор Шустер из Гомбрехтсхофа буквально говорит следующее:

«Что касается до нравственного влияния этого учреждения, то я никогда не мог констатировать ничего скольконибудь неудобного; в частности школьной кассой не были порождены ни скупость, ни другие аналогичные пороки. Я полагаю, напротив, что представляет прекрасную вещь приучить ребенка не растрачивать деньги на лакомства и капризы, и дать ему своевременно вкус к сбережению и к предусмотрительности. Большое число учеников наших школ могло на отложенные в сторону деньги приобрести плату для конфирмации (confirmation) или облегчить себе принятие в ученики или в ремесленное учреждение». Гартман, учитель в Нефтенбах, говорит: «нравственное влияние сберегательной кассы безспорно, только нужно сожалеть, что не все ученики школы вкладчики». Штрассер, пастор в Гриндельвальде, выражается следующим образом: «хотя школьная сберегательная касса у нас недавно учреждена, я мог заметить, что она оказывает здоровое влияние. Она помогла многим детям растрачивать бесполезно деньги, которые они получили от продажи земляники туристам. Дети чувствуют себя счастливыми, когда получают в свое распоряжение книжечку сберегательной кассы. Учреждение это реагирует благоприятным образом и на родителей. Порядочное число монет в 5, 10, 20 и 50 сантимов, которые были бы потрачены, даются детям для увеличения их частного имущества. Благодаря школьной кассе, подарки, даваемые детям родственниками, отдаются в сторону, тогда как прежде эти деньги употреблялись на текущие расходы по хозяйству и никогда не возмещались (вот в чем весь секрет!). До сих пор не было замечено в этом отношении ровню никаких неудобств. Иметь опасения, что дети страдают скупостью. При помощи хорошей организации можно прекрасно предупредить похищение денег. Все вклады внесены в реестры, родители могут контролировать, сколько детей внесли в сберегательную кассу. Зависть и ревность вряд ли могут быть возбуждены, если поступать с тактом в момент вноса мелких сумм учениками (т. е. скрывать от остальных, кто больше вносит?)». Чуди, учитель в Шванден (Гларус), замечает, между прочим: «мы были поражены вопросом: не замечено ли каких-либо неудобств; у нас весь мир убежден в пользе школьной сберегательной кассы. Дети радуются в конце года, что сумма мелких сбережений становится внушительной цифрой, и взрослые радуются одинаково. По вышесказанному вопросу видно, что в других местах это учреждение представляло неудобства, и нам любопытно бы узнать, в чем же они состоят?» Лейцингер, кассир общины Нетшталя, высказывается так: «нравственное влияние учреждения кассы весьма благоприятно. Я узнал, что многие дети, которые предварительно издерживали свои деньги на покупки лакомств и бесполезных игрушек, в настоящее время их сберегают и являются вкладчиками самыми регулярными. Я не заметил никаких неудобств или стремлений к скупости и к присвоению себе денег нечестным образом». Иосиф Штрейф, кассир сберегательной кассы в Глаз, на-

стывает на том, что «моральное влияние было ни хорошо, ни дурно. Все, кто интересовался им, уверяли, что не произошло никакой видимой перемены. Менее дети, бедные родители делают вклады в кассу, по ему кажется, что это уже большая выгода доставлять родителям бедного класса случаи делать вклады мелких сумм в пользу своих детей и образовывать таким образом по-немногу и без больших лишений капитал, который со временем позволит им выучить своих детей хорошему ремеслу, что было бы без того для них невозможно». В том же смысле удовольствия показывают о кассах Випль, фабрикант в Шеневерт, Мюллер, учитель в Фарванген, Мерц, учитель в Бейвиле. Виттор, учитель в Орош-ла-Вилль, говорит, что «трудно судить на основании опыта 18 месяцев, но, что уже замечено возрастание охоты сберечь и экономизировать. Неудобства этого полезного учреждения существуют только в умах тех, которые хотят противоречить во чтобы то ни стало (?). Говорили о сухости сердца, о возрастании корыстолюбия, о самом воровстве, видели в этом антидемократическую цель и пр. Среди прогресса, который нам предстоит осуществить, прогресс выучиться предусмотрительности не самый маловажный». Рена, учитель в Шо-де-Фон, говорит, что неудобств не замечать, а получать благодарность от родителей за устройство кассы, как убожища в случае нужды. Маршан, учитель в Домбрессон (Невшатель), открыл даже следы серьезности и рвения к детям-вкладчикам пробить себе дорогу в жизни. Гайнар, учитель в Готрив (Невшатель), находит живое стремление к сбережению, причем вносят вклады многие родители. На будущее детей и их родителей это окажет полезнейшее влияние. Неудобств не видеть никаких. Пиаже, учитель в Байард (Невшатель), философствует на тему о том, что детей нужно с малолетства приучать к бережливости, потому что такое дети приучаются к порядку и начинают ценить деньги. Кто в юности с таким трудом, с такою ревностью ходил за сантимом, тот не легко сдается впоследствии расточителем. По словам Латура, учителя Корселли (Невшатель), родители ему говорили, что их дети сдвинулись совсем иным в своих воззрениях на деньги, на мелкие расходы, во всем своем характере. Дети, которое сберегает, обыкновенно учатся также прилежанию, держатся порядка и вряд ли может быть пойма на покупке пустяков. Сберегающее дитя гарантировано в будущем от пьянства и любви к удовольствиям. Оно же прибавляет: «но опасаются, что эти дети сдвинулись скупцами и собирателями сантимов. Этот страх совершенно неоснователен и т. п.» Оно же сомневается в том, «как могут быть люди, которые хотят уверить своих сограждан, что это общепольное учреждение в основании своем безнравственно, так как капитал есть необходимо враг рабочего!» Приводит примеры, что дети из капризных, спорливых и драчливых, чудовищным влиянием кассы, становились очень скоро спокойными, миролюбивыми и прилежными. «Можно было почти думать, что по этому



поводу въ ихъ внутреннемъ мірѣ была пробуждена искра, при освѣщеніи которой они могли бросить взглядъ на серьезную сторону жизни, и что они съ этого времени имѣли понятіе о томъ, сколько могутъ прибавить къ ихъ будущему счастью бережливость, полезныя знанія и прилежаніе». — «Вообще дѣти, введенныя въ берегательную кассу, становятся также прилежны и любознательны въ школѣ. И это вліяніе учителя отзывается не на дѣтяхъ только, но и на родителяхъ, которые начинаютъ понимать всю важность береженія. Сами старики благодарятъ за ученіе и говорятъ, что если бы ихъ этому научили въ молодые годы, то они не были бы въ такомъ печальномъ положеніи. Всѣ неудобства и недостатки подобныхъ учреждений только игра воображенія». Авторъ ни разу не замѣтилъ, чтобы берегающій деньги ребенокъ отказывалъ себя въ школьномъ праздникѣ, въ чемъ либо, къ чему привыкъ, какъ къ удовольствію, чтобы онъ становился несвоевременно серьезнымъ и терялъ бы радость юности, а равно не выдалъ и такихъ, которые бы имѣли жестокое сердце и замкнутую руку относительно своихъ товарищей. Дѣйствительнѣйшее средство моральнаго воспитанія и повышения, какъ индивидуума, такъ и цѣлаго народа, есть бережливость!

Наиболѣе характеристическая черта приведенной аргументаціи заключается въ томъ, что она совершенно одинакова во всѣхъ подробностяхъ у многочисленныхъ защитниковъ берегательныхъ школьныхъ кассъ, какъ во Франціи, такъ и въ Швейцаріи. Всѣ они одинаково отстаиваютъ нравственное значеніе береженія, одинаково усматриваютъ тожество между береженіемъ и трудолюбіемъ и одинаково видятъ въ береженіи условіе образованія стойкаго и сильнаго характера. Это поразительно сходство мнѣній такого числа людей по одному изъ самыхъ сложныхъ и спорныхъ вопросовъ общественной экономіи естественно ведетъ насъ къ выводу, что мы имѣемъ дѣло съ отдѣльнымъ классомъ общества, интересы котораго, дѣйствительно или повидимому, основываются на береженіи. Классъ этотъ несомнѣнно мелкая буржуазія, которая, не смотря на всѣ удары судьбы, по прежнему, придерживается мнѣній, что, при нѣкоторыхъ усиліяхъ по части береженія, она можетъ превратиться въ крупную. «Если бы мы съ мужемъ», сказала мнѣ разъ жена одного ремесленника въ Мюнхенѣ, «могли одинъ годъ не обѣдать, то мы были бы богаты». Какая мать или какой отецъ, принадлежащіе къ этому классу, не мечтаютъ о томъ, что ихъ дѣти могутъ разбогатѣть? Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, что люди этой категоріи остаются глухи и нѣмы къ самымъ основнымъ и очевиднымъ требованіямъ нравственности, строго воспрещающимъ воспитывать дѣтей въ идеалъ эгоизма и собственнаго интереса. По ихъ страннымъ понятіямъ именно эти идеи и суть наиболѣе нравственныя, такъ какъ онѣ будто бы совпадаютъ съ трудолюбіемъ, прилежаніемъ и порядкомъ въ веденіи дѣлъ. При всемъ томъ, совершенно несомнѣнно, что дѣти, по самой своей природѣ должны интересоваться гораздо болѣе потребительною цѣнностью предметовъ, ихъ вкусомъ, красотою, способомъ приготовленія, словомъ — живыми и естественными ихъ свой-

ствами, а не абстрактною мѣнною ихъ цѣнностью, которая ведетъ къ мысли о наживѣ. Вы можете вполнѣ раздѣлить увлеченіе мальчика, который съ анкетомъ жуеетъ прищипаннаго коня, подареннаго ему отцемъ, но если онъ прежде всего сообщитъ вамъ, что этотъ конь «стоитъ три крейцера», то вы невольно пожмете плечами. Трудно однако разсчитывать на то, что у ребенка разовьются дѣйствительныя жизнерадостныя чувства, если родители чуть не съ первыхъ лѣтъ жизни дрессируютъ его въ смыслѣ подавленія его естественныхъ инстинктовъ, состоящихъ въ стремленіи пользоваться благами жизни. Что сказать, напр., о нравственности матери, которая даритъ своимъ дѣтиямъ деньги и потомъ съчетъ ихъ за то, что они купили себѣ лакомство, или, еще лучше, запрещаетъ имъ расходовать эти деньги? Какаго нѣтъ смѣсъ желанія приучить дѣтей къ самостоятельности дѣйствій и родительскаго деспотизма, исключаящаго эту самостоятельность. Можно ли болѣе грубо насиловать нравственную природу дѣтей? А, между тѣмъ, подобное воспитаніе встрѣчалось слишкомъ часто еще до введенія берегательныхъ школьныхъ кассъ. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ аргументаціи защитниковъ такъ называемаго береженія состоитъ въ томъ, что они береженіе смѣшиваютъ съ трудолюбіемъ и добрымъ порядкомъ въ веденіи хозяйства. Впрочемъ, это дѣлается, повидимому, болѣе для отвода глазъ, нежели въ слѣдствіе дѣйствительнаго убѣжденія. Въ сущности они прекрасно понимаютъ, что береженіе въ видѣ займа подъ проценты ведетъ не къ трудолюбію, а къ бездѣлю. Зная это, они о томъ сами подчасъ проговариваются, какъ, напр., наставъ Штраассеръ, который радуется тому, что деньги, расходовавшіеся прежде на потребности хозяйства и иногда не возстановлявшіеся, теперь откладываются въ сторону, т. е. становятся капиталомъ. Если бы не этотъ результатъ, то откуда бы происходила та горячность агитаціи въ пользу участія въ школьныхъ кассахъ, тѣ крестовые походы, которые ведутся съ этою цѣлью во Франціи, та пропаганда «здравой экономической науки», которая вся сводится на одно слово «снелуируй»? Идаль только, что подобное «трудолюбіе» мелкой буржуазіи силою вещей предназначено вести не къ собственному ея обогащенію, а къ обогащенію другихъ людей. Лишьною долею участвуютъ въ береженіяхъ этого класса тузы крупной буржуазіи, которые не только сосредоточиваютъ въ своихъ кассахъ всѣ взносы дѣтей, вдвое и сиротъ, но перѣдко приводятъ ихъ и къ краху. Въ этомъ то пользованіи мелкими взносами лицъ, лишенныхъ гражданской свободы, и лежитъ источникъ той бодрости и ревности, съ которою проповѣдуются инспекторами народныхъ училищъ «здравыя начала экономической науки» и раздаются преміи пропагандистамъ-учителямъ. Крупному капиталу для его спекуляцій стало мало тѣхъ средствъ, какія доставляются при обыкновенныхъ условіяхъ биржи, поэтому, вопреки гражданскому кодексу, онъ обратился къ несовершеннолѣтнимъ и неспособнымъ за нихъ береженіямъ — совершенно такъ же, какъ прежде обратился къ дѣтскому труду. И все это, разумѣется, совершенно свободно, на

основаніи теоріи laissez faire, laissez passer. Крупный капиталъ не удовольствовался тѣломъ дѣтей-рабочихъ, онъ пожелалъ еще взять къ себѣ на службу также и ихъ душу. Какой будетъ осуществленъ прогрессъ, когда всѣ гроши, употреблемые въ настоящее время народомъ на удовольствіе, будутъ потрачены на спекуляцію! Тамъ, гдѣ свѣтъ берегаютъ, — всѣ теряютъ, кромѣ немногихъ, которые спекулируютъ на береженіи.

П. С.

#### РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ РОССИИ по Леруа-Болье.

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ II томѣ основательнаго изслѣдованія г. Леруа-Болье, — «L'Empire des tsars et les Russes», — обнимающаго всю социальную и политическую жизнь Россіи, не мало интересныхъ страницъ посвящено изученію современнаго революціоннаго движенія въ нашемъ отечествѣ. Объ этомъ движеніи вообще такъ не много написано и такъ бесконечно мало произведеній, заслуживающихъ вниманія своей безпристрастностью и отсутствіемъ тенденціи въ ту или въ другую сторону, что объективный и съ знаніемъ дѣла составленный трудъ г. Леруа-Болье о томъ, что онъ называетъ «революціонной эпидеміей», вполнѣ заслуживаетъ, чтобы мы на немъ остановились.

Послѣдностію, съ которою совершились реформы прошлаго царствованія, и ихъ большое количество для незначительнаго промежутка времени 10—15 лѣтъ — возбудили въ русскомъ обществѣ ненасытную жажду прогресса; въ своемъ стремленіи впередъ оно считало ничтожными всякія преграды, полагаемыя традиціями и привычками, и мечтало догнать и опередить Европу, не понимая, что первое условіе нормальнаго прогресса — время и терпѣніе. Духъ безпокойства, ненасытное стремленіе и навязныя требованія, разочарованія, нетерпѣныя въ слѣдствіе препятствій и длинноты пути, не говоря уже о потрясеніи, произведенномъ эмансипаціей, — пробудили въ русскомъ обществѣ духъ безпокойства. Но русское правительство, возбуждая всевозможныя надежды своими реформами, не удовлетворяло даже самыхъ скромныхъ. Одна реформа влечетъ другую, необходима цѣлая цѣпь ихъ: въ Россіи же многихъ колецъ не достаетъ въ этой цѣпи; образованія полны полумѣръ, ограниченій, противорѣчій. Главная причина тѣмъ же затрудненій — это недостатокъ логики отсутствіе общаго плана во всѣхъ реформахъ, ихъ изолированность, отсутствіе связи между ними, а часто даже между отдѣльными частями единичной реформы. «Отсутствіе гармоніи между самими учреждениями и учрежденій съ правительственною практикою достаточно было бы, говорить г. Л. Б., чтобы породить революціонный духъ, но есть еще другая причина этого, причина почти одинаковой важности и которую не должно упускать изъ виду». Помимо внутренняго разлада, въ Россіи существуетъ полный разладъ съ современной Европой, противорѣчіе формъ и макетъ ея правительства со всѣмъ, что ее окружаетъ, съ духомъ нашего вѣка нашей цивилизаціи». «Чтобы революція не могла пустити ростковъ въ имперіи ца-

рей, нужно, чтобы Россія была въ мирѣ сама съ собою и въ гармоніи съ вѣншимъ міромъ, который, помимо ся волн, тяготитъ надъ нею.»

Дѣло въ томъ, что революціи не всегда бывають результатомъ борбы классовъ. У людей, кромѣ лишений и страданій въ области матеріальной жизни, есть и другія причины раздраженія; народы имѣють нныя нужды, кромѣ экономическихъ. Россія, гдѣ болѣе всего съ завзятымъ матеріализмомъ отрицается это положеніе, является самымъ рѣзкимъ примѣромъ въ подтвержденіе его вѣрности. Хотя требованія болышинства русскихъ революціонеровъ принимаютъ социалистическую форму, экономическое состояніе страны не единственная и, можетъ быть, не главная причина распространенія революціонныхъ идей. Что болѣе всего способствовало развитію радикализма — это нравственный гнетъ, интеллектуальныя лишения и стѣсненія, свойственныя абсолютическому режиму. Эта то именно духовная дѣта, ожесточая и извращая умъ, ослабляя темпераменты, возбуждая нервную систему, предрасположила русскихъ къ странному стремленію, къ страстнымъ порывамъ, къ болѣзненной мечтательности. Этой духовной дѣтой и объясняется тотъ фактъ, что оппозиціонныя и революціонныя идеи встрѣчаютъ себѣ почву именно въ тѣхъ классахъ, которые очевидно заинтересованы въ поддержаніи современнаго строя. Не въ обездоленной части фабричнаго и земледѣльческаго населенія, а въ интеллигенціи, въ привилегированныхъ классахъ рекрутируются самые усердныя противники правительства. Мало того: пѣтъ страны, въ которой былъ-бы такъ развитъ оппозиціонный духъ, какъ въ Россіи; отъ высшихъ сановниковъ, ограничивающихся пасивнымъ и умѣреннымъ фрондерствомъ, до мелкаго дворянства, чиновничества, духовенства — всѣ культурные классы носятъ въ себѣ сѣмя оппозиціи: «радикальный дилетантизмъ» не уничтожили въ обществѣ даже аттентаты послѣднихъ лѣтъ.

Школы — главный очагъ радикализма, и тѣмъ выше школа, тѣмъ революціоннѣе духъ молодежи, которая изъ нея выходитъ. Это и понятно: образованіе фатально порождаетъ въ молодежи стремленія, которыхъ режимъ страны не можетъ удовлетворить. Вызывая вкусъ къ изслѣдованію, внушая вѣру въ право и разумъ, возбуждая умъ къ сравненіямъ, наука и образованіе, какимъ бы надзоромъ они ни были окружены, непобѣдимо предрасполагають къ критикѣ, къ свободному обсужденію, а далѣе — къ либерализму, къ духу нововведеній. Въ виду этого, можно сказать, что автократъ тѣмъ менѣе можетъ довѣрять своимъ подданнымъ, чѣмъ менѣе ограниченъ ихъ умственный уровень. Русское правительство это чувствовало, — отсюда недоувѣріе, стѣсненія, подозрительность по отношенію къ наукѣ и ея представителямъ, школамъ и учащейся молодежи. Отсюда колебанія между различными педагогическими методами, образовательными системами. Но классическая или реальная, пропущенная античнымъ идеализмомъ или современнымъ реализмомъ, наука фатально должна обнаруживать противорѣчія русской жизни и проявить свою несостоятельность въ выработкѣ вѣрныхъ подданныхъ для автократіи.

Во всякой странѣ, подобной Россіи, распространеніе образованія должно прежде всего обратиться на пользу революціи, но здѣсь этотъ феноменъ еще усиливается специальными условіями русской школы. Прежде всего въ Россіи, гдѣ пѣкогда образованіе было почти совершенно домашнее, теперь оно — среднее какъ и высшее — отдаленно отъ семьи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Образованіе не идетъ объ руку съ воспитаніемъ, въ отношеніи котораго юношество оставлено на свой полный произволъ. Молодежь средней и высшей школы, скученная въ большихъ городахъ, оторвана отъ общества, предоставлена своимъ мечтамъ, своимъ экзальціямъ: нравственныхъ руководителей нѣтъ у нея; при томъ болышинство и въ дѣтствѣ было лишено прочаго воспитанія, потому что масса учениковъ школы и университетовъ выходитъ изъ бѣдныхъ и малообразованныхъ семействъ, не способныхъ дать направленіе дѣтямъ. Кромѣ того, важно то обстоятельство, что громадное болышинство учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ бѣдствуетъ матеріально, составляя умственный пролетаріатъ, въ которомъ «инглизмъ» рекрутируетъ своихъ самыхъ рѣшительныхъ солдатъ.

Съ 1881-го года министерство народнаго просвѣщенія вздумало очистить школы отъ этого пролетаріата, въ виду чего, возвысивъ плату за ученіе, затруднило доступъ въ гимназіи и университеты — мѣра печальная въ странѣ, гдѣ такъ мало образованныхъ людей, съ другой стороны, и едва ли дѣйствительная, потому что школы такъ проникнуты радикализмомъ, что только цѣлый рядъ школьныхъ реформъ, хорошо скомбинированныхъ и съ терпимостью прилагодимыхъ, можетъ очистить ихъ отъ него. Но русское правительство въ народномъ образованіи, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ, проявило столько нерѣшительности и колебаній, что трудно отъ него ждать определенной политики въ школьномъ вопросѣ. А между тѣмъ нигдѣ школьный, университетскій вопросъ не составляетъ столь важной проблемы для государства, нигдѣ судьба страны не зависитъ на столько отъ воспитанія юношества, какъ въ Россіи. Для Россіи является важной задачей побороить революціонный духъ въ высшихъ школахъ, но, конечно, правительство не въ состояніи этого достигнуть возобновляя Пинкалевскіе пріемы, воздвигая гоненія на школы и университетскую молодежь; инквизиторская система, тиранническіе уставы, придирчивый и неаппетитный формализмъ министерства Толстого ясно для всѣхъ оказались несостоятельными. Возвратить университетамъ автономію и отнять привилегіи, возвысить вліяніе профессоровъ, возвратитъ имъ ихъ права, громко засвидѣтельствовать уваженіе къ наукѣ и ея представителямъ и сверхъ того дать странѣ учрежденія, которыя могли бы переносить свободную критику, — вотъ лучшія средства, чтобы отстоять молодежь и интеллигенцію отъ обаянія радикализма.

Разсмотримъ ту среду, среди которой проявляются радикальныя идеи, и условія ихъ возникновенія, г. Л. Б. задается вопросомъ: какимъ образомъ революціонныя импульсы могутъ перенестись въ народъ? Взятый въ массѣ, русскій народъ чуждъ субверсивныхъ

идей. По своимъ привычкамъ, по своимъ вѣрованіямъ, онъ имѣетъ отвращеніе ко всякой новизнѣ, являющейся ему въ видѣ разрыва съ его прошедшимъ и традиціей, въ видѣ возмущенія противъ авторитета на землѣ и на небѣ. Между народною массою и топкимъ слоемъ интеллигенціи лежитъ бездонная пропасть. Во имя народа революціонеры объявляли войну самодержавію, а этотъ народъ не только не смотритъ на нихъ, какъ на своихъ уполномоченныхъ, — онъ не знаетъ ихъ. Между ними и народомъ существуетъ взаимное непониманіе, неспособность сговориться и дѣйствовать сообща. Революционеры не знаютъ народа. Они, въ болышинствѣ случаевъ, подъ именемъ народа понимаютъ пзвѣстную абстракцію, на половину почерпнутую изъ книгъ, на половину образовавшуюся въ ихъ умѣ. Многіе составили себѣ концепцію о народѣ по заграничнымъ типамъ, по образцу западнаго городского рабочаго. Вслѣдствіе этого смѣшенія, которое замѣчаютъ и они сами, происходитъ болышинство ихъ ошибокъ и промаховъ: подъ опасеніемъ быть непонятымъ, нужны нныя формулы, нной языкъ, чѣмъ на Западѣ, чтобы проповѣдовать революцію въ Россіи. Среди крестьянъ и рабочихъ, къ которымъ обращаются съ проповѣдью, проповѣдники революціи похожи на миссіонеровъ, явившихся въ далекую страну и проповѣдывающихъ новый культъ людямъ, которые ихъ не понимаютъ, или на членовъ библейскихъ обществъ, раздающихъ безграмотнымъ библію... Книжки составленныя для народа, какъ «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая Механика» и т. п., далеко не всегда понимаются тѣми, для поученія кого онѣ предназначены. По этому поводу г. Л. Болѣе рассказываетъ весьма характерный анекдотъ. Одинъ школьный учитель, человекъ не безъ идей, собиралъ иногда крестьянъ и читалъ имъ разные тенденціозные рассказы, которыми такъ изобилуетъ наша современная литература. Между прочимъ онъ читалъ имъ пзвѣстную исторію Щедрина о томъ, какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ. Когда у него спросили о впечатлѣніи, онъ отвѣтилъ, что крестьяне много смѣялись и были польщены тѣмъ, что и генераламъ можетъ пригодиться мужичекъ...

И такъ, до царствованія Александра III положеніе власти не возбуждало опасеній, революціонная агитація оставалась поверхностной и ограничивалась культурными классами, едва касаясь народа. Но долго ли такъ будетъ? Всегда ли народъ будетъ равнодушенъ къ настоящей и пламенной проповѣди социализмовъ? Убаюкивать себя такою надеждою было бы иллюзіей, которая можетъ повести къ страшнымъ разочарованіямъ. Уже и теперь въ каждомъ процессѣ, даже въ процессѣ царубійцѣ, встрѣчается пзвѣстный процентъ крестьянъ и рабочихъ; революционеры уже успѣли носѣять, особенно на югѣ, нѣкоторыя изъ своихъ идей среди рабочаго класса портовъ и фабрикъ. Во многихъ городахъ рабочие издавали революціонныя воззванія. Пока подобныя случаи — исключеніе; развитіе индустріи и городовъ, паденіе кустарной промышленности, которое собираетъ въ города промышленный пролетаріатъ, — все это угрожаетъ сдѣлать эти случаи не столь рѣдными.

Чѣмъ болѣе городской рабочій будетъ отдѣляться отъ деревни и земли, чѣмъ болѣе онъ будетъ «размужичиваться», тѣмъ болѣе онъ сдѣлается доступнымъ для революціонной пропаганды. Единственное для Россіи спасенье отъ этого — остаться страной мелкой индустріи, мелкихъ капиталовъ.

Но можно ли воплѣ полагаться на консервативныя чувства крестьянства? Можно ли утверждать, что массы сельскаго населенія, равнодушныя къ политическимъ теоріямъ не представляютъ никакой зацінки для агитаторовъ? Ни комъ образомъ, отвѣчаетъ г. Леруа-Вольѣ. — У русскаго народа, повидному такъ хорошо защищеннаго отъ революціонной заразы, есть одна уязвимая точка: это аграрный режимъ. Если бы каждый крестьянинъ, послѣ эмансипаціи, былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ собственникомъ земли, социализмъ представлялъ бы ему мало искушенія; но онъ не собственникъ земли, а только временной владѣлецъ куска общинной земли, собственникъ продукта ея. Этотъ родъ коллективной собственности, по своей натурѣ пзмѣчившій, непостоянный, далеко не имѣетъ за собою того социальнаго достоинства, того консерватизма, какъ собственность наследственная. Съ возрастаніемъ населенія участки общинной земли дѣлаются все меньше и меньше и становятся недостаточными для содержанія семьи. Если бы въ Россіи существовалъ только одинъ этотъ родъ собственности, если бы рядомъ съ общинной землей не было частныхъ владѣній, т. е. вся земля принадлежала бы на равныхъ правахъ коллективной, тогда такой режимъ уничтожилъ бы въ корнѣ аграрный социализмъ. Между тѣмъ въ Россіи остается огромное количество земель въ частномъ владѣніи, — на эти-то земли и можетъ обратить свои взоры народъ, стѣсненный на своей общинной землѣ; это тѣмъ болѣе легко, что русскій аграрный режимъ не вселилъ въ крестьянство понятія о постоянствѣ, ненарушимости, святости поземельной собственности, что надѣлъ крестьянъ землею во время эмансипаціи и періодическіе общинные передѣлы пріучили крестьянъ смотрѣть на всеобщій передѣлъ земли, какъ на вещь совершенно естественную, легализація которой требуетъ лишь царскаго указа. Этотъ социализмъ въ скрытомъ состояніи далеко не внушаетъ безопасности объективному наблюдателю; возможно, что ХХ вѣкъ приготовитъ неожиданныя затрудненія въ этомъ отношеніи. Можно, конечно, уничтожить общинную и ввести частную собственность; но этимъ нельзя уничтожить ея духа и традицій, а даже о нѣ могутъ служить могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ новаторовъ. Аграрная революція съ захватомъ частной собственности и обращеніемъ ея въ общинную — такова форма революціи и социализма въ Россіи и въ этой то формѣ они имѣютъ не мало шансовъ проникнуть въ народъ. Русскіе считаютъ себя болѣе всѣхъ обезнеченными въ этомъ отношеніи — въ дѣйствительности же они гарантированы мѣлѣе великой другой націи въ Европѣ, Россіи — единственной страной во всемъ цивилизованномъ мірѣ, гдѣ можно попытаться уничтожить частную собственность путемъ декрета. И народъ съ ненормальнымъ упрямствомъ,

не смотря на правительственныя отрицанія ждѣтъ отъ царя этой милости. Слѣбно вѣрою въ царя могутъ воспользоваться — и уже пользуются — революціонеры и даже свои агитаторы на царя они могутъ обратить въ пользу своей пропаганды, направивъ народную ярость противъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Многие революціонеры чувствуютъ, что они и сами погибнутъ въ минуту народнаго взрыва, многие знаютъ, что, говоря словами Чернышевскаго, «народъ не сдѣлаетъ различія между людьми, носящими нѣмецкое платье; со всѣми онъ расправится одинаково, не пощадишь ни науки, ни поэзіи, ни искусства; онъ уничтожитъ всю нашу цивилизацію» («Письма безъ адреса»).

Единственная основа социальнаго и политическаго строя въ Россіи — это вѣра народа въ царя. Какъ она ни кажется еще непоколебимой, на нее нельзя теперь полагаться. Въ городахъ, особенно въ столицахъ, отвѣга конспираторовъ, кажущееся безсиліе правительства, прятанье царя въ загородныхъ дворцахъ — уже сильно поколебали престола самодержца. «Въ Россіи нѣтъ царя», говорили въ Петербургѣ этой весной люди изъ народа. Въ деревняхъ также различныя симптомы показываютъ, что нельзя всегда разсчитывать на послушаніе и преданность народа. Чтобы возбудить революціонное движеніе въ той или другой части Вѣликороссіи или Малороссіи, достаточно продолженія «нигилистическаго» кризиса, новаго ряда attentatovъ, коварно приписанныхъ собственникамъ, или смутѣ регенства. «Народъ, доступный самымъ пелѣннымъ слухамъ, склонный принимать перваго встрѣчнаго за конфидента государя, готовый поддаться, внезапно, полагаясь на смутную молву, — подобенъ морю, безсознательнымъ воды котораго — забава вѣтровъ»...

Показавши намъ тѣ условія и ту среду, которыя уже болѣе десяти лѣтъ сегодню даютъ такой большой контингентъ революціонеровъ, и тѣ стихійныя силы, которыя послѣдніе стремятся направить къ революціи, разобравши, наконецъ, шансы возможности и условія осуществленія этой революціи, г. Леруа-Вольѣ переходитъ къ описанію революціонной партіи въ Россіи, ея эволюціи, организаціи ея средствъ борьбы и, наконецъ, къ обнаруженію нѣкоторыхъ предразсудковъ и заблужденій, существующихъ на ея счетъ въ Россіи и за-границей. Какъ ни интересна эта часть труда г. Леруа-Вольѣ, съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и объективностью написаннаго, но недостатку мѣста мы должны ограничиться только бѣглымъ обзоромъ ея.

Что такое тѣ люди, которые стремятся послѣдніе годы силою навязать свои требованія имперіи болѣе, чѣмъ въ восемьдесятъ милліоновъ душъ? Нѣсколько тысячъ молодыхъ людей, безъ опыта, безъ связей, безъ вліянія въ обществѣ, по большей части не попыткахъ и непризнанныхъ народомъ. Ихъ средства — прокламаціи и брошюры для народа, который въ большинствѣ не умѣетъ читать, нули и динамитъ, чѣмъ можно убить императора, но не имперію. Послѣ четырехъ — пяти лѣтъ неутомимыхъ успій, чудесъ отваги, энергіи, самоотверженности, революціонеры не достигли ничего, а только лишь

дали оружіе врагамъ прогресса и способствовали введенію въ странѣ неслыханныхъ притѣсненій. Этого-ли они хотѣли достигнуть? Конечно, нѣтъ. Припавъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ за революціонную дѣятельность, теперешніе враги царя не думали о немъ, не думали о политической революціи; не взрывчатыхъ бомбы и динамитъ, а мирная пропаганда идей была ихъ средствомъ, при помощи котораго они мечтали приготовить социальную революцію. «Это былъ идеалистическій и нигилистическій періодъ «нигилизма», евангельская проповѣдь массамъ молодыхъ энтузіастовъ». «Лишь когда репрессивныя мѣры правительства — говорила С. Перовская на судѣ — сдѣлали пропаганду не возможной, тогда только, послѣ долгихъ колебаній, партія увидѣла себя вынужденной начать борьбу противъ существующихъ учреждений государства, какъ противъ главной помѣхи для цѣлей партіи». Этотъ періодъ борьбы съ оружіемъ въ рукахъ наступилъ въ концѣ 1878 года; сперва политическія убійства были направлены противъ администраторовъ, проявившихъ особую свирѣпость противъ социалистовъ: это было мнѣнье. Лишь послѣ явилась идея царубійства, какъ главная практическая задача партіи. Послѣ неудачи Соловьева, состоялся липецкій съѣздъ (въ іюль\*) 1879 года, на которомъ была выработана программа террористовъ, избраны средства борьбы и распределены функціи. Мѣняя тактику, революціонеры перемѣнили свои взгляды на политическіе вопросы. Политическая свобода, отъ которой они прежде отворачивались, стала реальною цѣлью ихъ борьбы, отъ социализма они перешли къ конституціонализму — и самодержавіе стало ихъ мнѣніемъ; оставляя пока въ сторонѣ социальный вопросъ, они, при помощи бомбы и динамита, принялись разрѣшать вопросъ политическій. Это измѣненіе программы повело къ расколу партіи на двѣ группы: террористовъ, имѣющихъ своимъ органомъ «Народную Волю», и группу умѣренныхъ, пропагандистовъ, съ органомъ «Черный Передѣлъ». Первая, благодаря своей энергіи, сдѣлалась господствующей и привлекла къ себѣ много силъ изъ второй.

Напуганное отчаянной отвагой террористовъ, воображеніе представляетъ ихъ какъ цѣлую армію людей, имѣющую свои батальоны во всѣхъ концахъ Россіи. Это ошибка. «Тридцать — сорокъ рѣшительныхъ молодыхъ людей, заключившихъ союзъ съ смертью, держать въ страхѣ правительство самой обширной имперіи въ мірѣ». Къ этому убѣжденію приводитъ то обстоятельство, что одинъ и тѣ же имена встрѣчаются въ связи со всѣми attentatami. Пятнадцать членовъ липецкаго съѣзда были не только делегатами революціонныхъ группъ, вождями партіи, они же были и главными исполнителями. Вокругъ исполнительнаго комитета группируются кружки, не связанныя ни между собою, ни съ нимъ никакой іерархической организаціей, но, въ случаѣ нужды, всегда дающіе волонтеровъ для дѣла террористовъ. Много разъ уже русское правительство обольщалось мыслію, что захватило главныхъ конспираторовъ. Дѣйствительно, на всѣхъ и на ка-

\*) Липецкій съѣздъ былъ въ іюль, отъ 17 до 21 числа (см. «На Родинѣ», № 2, стр. 52).

торгъ погибли члены липецкого съезда и, безъ сомнѣнія, исполнительнаго комитета. Но развѣ это обезпечиваетъ безопасность правительства? Русская атмосфера слишкомъ благоприятствуетъ заговорамъ, чтобы исполнительный комитетъ не возродился изъ своего пепла. Люди, не понимающие, съ какою легкостью образуются заговоры въ Россіи, совершенно ошибочно приписываютъ аттен-таты то членамъ царской фамилии, то враждебнымъ Россіи державамъ, то, наконецъ, русской эмиграціи. Самые слухи о новыхъ Ричардахъ III показываютъ безпорядокъ умовъ въ странѣ, осажденной призраками измѣны. Что-же до иностранныхъ державъ, такіе средства, какъ война при помощи заговоровъ и подземныхъ мнѣтъ, не имѣютъ мѣста въ политикѣ нашего времени. Такъ же не серьезно и стремленіе искать въ эмиграціи руководителей взрывамъ. Раздѣленная на множество группокъ, раздѣлаемая соперничествомъ за вліяніе и спорами о доктринахъ, вездѣ добыча подозрѣній въ измѣнѣ и шпіонствѣ, бѣдная средствами, почти всецѣло нуждающаяся и вынужденная зарабатывать свой насущный хлѣбъ, эта эмиграція столько-же не въ силахъ помогать средствами конспираторамъ, какъ и направлять ихъ руку. И не таковъ родъ войны, ведомой террористами, чтобы ею можно было руководить изъ глубины кабинета: для этой борьбы нужно быть на мѣстѣ, нужно жертвовать своею личностью.

Далѣе г. Леруа-Болье переходитъ къ финансовымъ средствамъ революціонеровъ и отвергаетъ слухи о томъ, будто бы ихъ снабжаютъ ресурсами враждебные Россіи государства или иностранные банкиры, спекулирующіе на пониженіе курса русскаго рубля. По его мнѣнію, революціонеры сами на столько богаты, чтобы найти средства на свои предпріятія. Болѣе или менѣе правильные взносы студентовъ, случайныя средства, получаемыя отъ людей, отдающихъ, какъ Лизогубъ, цѣлыя состоянія на революцію, періодическіе сборы денегъ, приношенія отъ «сочувствующихъ» и т. п. — вотъ прочіе источники ихъ средствъ\*). Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ они должны разсчитывать главнымъ образомъ только на себя, и какъ ни малы ихъ средства, не недостатокъ въ деньгахъ прекратить ихъ борьбу. Исторія конспирацій и страшный конецъ Александра II показываютъ, что самые страшные аттен-таты не всегда стоятъ дорого. Въ Россіи же съ каждымъ днемъ возрастаетъ число людей, думающихъ, что все дозволено противъ власти, которая сама дозволяетъ себѣ все и не допускаетъ никакихъ средствъ легальной борьбы...

Раннее разочарованіе въ царствованіи, такъ много обѣщавшемъ, самодержавіе, потерявшее голову и не знающее на что опе-

\*) Г. Леруа-Болье въ числѣ ресурсовъ революціонеровъ упоминаетъ и фальсификацію денегъ, и вымоганіе обманомъ, черезъ анонимныхъ корреспондентовъ, денегъ у богатыхъ кушачей. Г. Ларровъ, въ Justice, указалъ ему уже на эту ошибку; я думаю, что можно безошибочно отрицать существованіе у революціонеровъ такихъ способовъ для пополненія своихъ финансовъ, ужъ основываясь на томъ, что ни одинъ революціонеръ не обвинялся въ ихъ употребленіи. Существовъ они, прашнелство, конечно, не проминуло бы воспользоваться ими для обвиненій.

реться, на чьи совѣты положиться, усталость общества, которое болѣе, чѣмъ когда нибудь, ищетъ своего пути среди тумана идей, очевидная невозможность поддерживать существующій порядокъ и трудности, почти столь же явная, его измѣнить, умственная и нравственная анархія, въ которую погружена страна, — все поддерживаетъ надежды революціонеровъ и убѣждаетъ ихъ, что побѣда останется за ними.

«При продолженіи существующаго режима, говоритъ г. Леруа Болье, при поддержаніи, болѣе или менѣе скрытомъ, болѣе или мѣнѣе постыдномъ, statu quo, всемірно опозореннаго, явно осужденнаго, глухо подкапывающагося подъ государство и диктатуру, нужно не-много лѣтъ, навѣрно менѣе одного поколѣнія, чтобы катастрофа стала возможной».

Какое же средство противъ революціонной эпидеміи? Изъ всѣхъ средствъ самое серьезное политическая свобода. «Это рецептъ уже старый, у многихъ уже вышедшій изъ моды, въ глазахъ нѣкоторыхъ даже худшій, чѣмъ то зло, которое поборотъ онъ предназначается; но, по нашему, онъ единственно пригодный. Всѣ государства, добросовѣстно и терпѣливо его примѣнявшіе, не имѣютъ поводовъ жаловаться на него». «Чѣмъ страдаетъ Россія, заканчиваетъ г. Леруа-Болье, это отсутствіемъ политической свободы. Подъ угрозою взрыва, нужно дать выходъ смутнымъ стремленіямъ, которыя пробуждаются въ обществѣ, и настоячимъ нуждамъ молодежи и интеллигенціи»...

Л. Б.

## ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Какъ мы предвидѣли, введенное указомъ 4-го сентября 1881 года Положеніе усиленной охраны въ разныхъ мѣстностяхъ продолжено еще на годъ. На этотъ разъ подвергнуты исключительному административно-полицейскому произволу, кромѣ губерній Петербургской и Московской, портовые города Чернаго и Азовскаго морей и вся руссiйская территория украинскаго народа, за исключеніемъ лишь Черноморья. Въ нынѣшнее царствованіе, изъ всѣхъ «языковъ» имперіи видимо «благоденствуютъ» украинцы, по прописному отзыву покойнаго Тараса. Но, вѣроятно, ради выщаго уравненія въ безправіи благоденствующихъ подъ отеческимъ покровомъ самодержавія, «государь императоръ высочайше соизволяетъ» и на такое, ничѣмъ не мотивированное, постановленіе комитета министровъ: «въ мѣстностяхъ имперіи, въ состояніи усиленной охраны не объявленныхъ, сохранить дѣйствіе статей 28, 29, 30 и 31 Положенія о мѣрахъ по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія».

Конституціонная Финляндія въ свою очередь начинаетъ испытывать распространяемыя изъ центра государственнаго управленія блага доноса, сыска, обыска и ареста. Въ официальному отдѣлѣ «Финляндской Всеобщей Газеты» напечатано слѣдующее извѣстіе:

«На основаніи доставленныхъ надежныхъ извѣстій о томъ, что въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ, между нѣсколькими офицерами и гражданскими чиновниками русской службы» (т. е. службѣ, не имѣющей никакого отношенія къ мѣстнымъ свободамъ, къ самоуправленію страны) «образовалось отдѣленіе существующаго въ Россіи преступнаго общества, былъ, по распоряженію высшаго начальства, произведенъ, 14-го сентября, домашній обыскъ въ квартирахъ нѣкоторыхъ офицеровъ и чиновниковъ, при чемъ у учителей русской александровской гимназіи въ Гельсингфорсѣ, Сикорскаго и Леонтьева»), а также у прапорщика двинскаго

\*) По позднѣйшимъ извѣстіямъ, Леонтьевъ выпу-

схотнаго полка Мошписскаго найдены фактическія доказательства ихъ преступности. Означенныя лица, поэтому, арестованы, и послѣдованіе продолжается». Поучительно, что писано «платные» отъ дѣйствія конституціоннаго права шпіонки и офицеры «русской службы» одни только оказались въ Финляндіи принадлежащими къ «существующему въ Россіи преступному обществу». Если бы не было «платныхъ», то не было бы и преступности обоепопныхъ, не только въ Финляндіи, но, полагаемъ, и въ Россіи, гдѣ никому изъ подданныхъ, кто бы онъ ни былъ, не ступно пользованіе правами «гражданской» личности, въ конституціонномъ смыслѣ. Этого не хотятъ понять только наиправители, не смотря на убѣдительность фактовъ. А, можетъ быть, и понимаютъ, да не хотятъ допустить, справедливо соображая, «что же намъ тогда дѣлать?» — какъ серьезный топомъ и необходимо замѣтилъ покойному императору канцлеръ Горчаковъ на возникшемъ въчерше еще 10 лѣтъ тому назадъ предположеніи ввести въ государственныя совѣты представительное начало.

Обозрѣвающимъ по высочайшему повелѣнію прибавлѣнскій губерніи сенаторъ Манассенъ держитъ себя по отношенію къ выборнымъ учрежденіямъ края съ такимъ по истинѣ московскимъ задоромъ «ближняго человека», что даже и эта окрестность, всегда считавшаяся вѣроподобнаго раг excellence, начинается раздѣляться багами самодержавія, проявляющаго себя грубымъ вторженіемъ агентовъ центральной власти во внутреннія дѣла провинціи. Лишь одинъ Иванъ Алсаконъ умѣетъ передъ тѣмъ впечатлѣніемъ «русскаго ямента», какое оставляетъ среди эстоновъ и латышей сенаторъ Манассенъ. Хорошо впечатлѣніе пишеть — московскаго самодура!»

Въ вышедшей на дняхъ 2-ой книжкѣ «На Родинѣ», въ письмѣ изъ Якутской области приводится возмущительный случай «недоразумѣнія», продолжающаго тяготѣть надъ участіемъ ни въ чемъ неповиннаго человека. Живущій въ настоящее время въ одинокой юртѣ, далеко отъ всякаго человѣческаго жплля, въ лѣсу, куда забросило его начальство нѣкто «Шиллеръ былъ обыкновеннѣйшимъ Харьковскимъ мѣщаниномъ, когда на его бѣду покойный Александръ II вздумалъ удостоить Харьковъ своимъ посѣщеніемъ. Шил., въ порывѣ патриотизма, началъ кричать, что карету государя слѣдуетъ расиречь и поестъ на себѣ. Идея паша сочувствіе. Но государь остался недоволенъ, и приказалъ не трогать лошадей. Къ несчастію, среди бѣгащаго шума ничего невозможно было разслышать, а между тѣмъ жандармы стали грубо отталкивать распрямляющихъ. Шиллеръ, получивъ здоровую затрещину, и не понимая причины обиды, озлился и въ свою очередь сталъ колотить жандармовъ. Дѣло показалоь серьезнымъ, и преступника сослали куда-то въ не столь отдаленныя мѣста.

Но Шиллеръ никакъ не могъ понять, за что онъ сослали, и упорно оставался въ убѣжденіи, что это не больше какъ интриги царскихъ слугъ, не допускающихъ народъ до государя. Желая объясниться, онъ сталъ добиваться аудіенціи у какого то сановника, посѣтившаго ихъ городъ, а когда это не удалось, рѣшился подать прошеніе слѣдующимъ способомъ: онъ привязалъ свою бумагу къ камню, и запустилъ камень въ окно дома, гдѣ квартировалъ сановникъ, по, увы, результаты вышли очень плачевныя. Сановникъ перепугался, и Шиллеръ за покушеніе на жизнь или оскорбленіе дѣйствіемъ (не знаю хорошенько) немедленно былъ сосланъ въ Восточную Сибирь, съ аттестаціей закоренлаго бунтовщика».

Щенъ на свободу по жалобѣ брата его мѣстнаго прокурорскому надзору, при чемъ объясняется, что всѣ аресты произведены, безъ участія мѣстныхъ властей, навѣзкими петербургскими чиновниками. Вотъ вамъ и конституція, не охраняющая материальную свободу, а покоившаяся на «совѣстности» государя «великаго князя Финляндіи!»